

СТУРНИЙСКІЕ МОЗАИКИ

Автор благодарит за оказанную помощь ведущего научного сотрудника Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктора исторических наук Игоря Юрьевича Шауба¹.

¹ Автор и его консультант осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что фавны и кентавры проходят по разным ведомствам, прокуратор — всадническая должность, римское имя должно быть трёхкомпонентным, ланг не является оружием легионера et caetera, но где Рим, а где — Стурн и тем более Эпокарийское царство.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Невероятно до смешного:
был целый мир — и нет его...

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

БОГИ СМОТРЯТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОКАРИЯ

7711 год от знамения Стурнийского

I

Мозаичник был худ, как жердь, а двое из троих его приятелей — полнотелы и румяны. От возбужденья и избытка вина. Напряженье третьего — гнедого кентавра — угадывалось по тому, как красновато отблёскивала в чуть раскосых человеческих глазах недобрая лошадиная звезда. Кентавра Асён знал, хоть и не слишком близко, его сотрапезников видел первый раз в жизни и, очень на то походило, последний.

— Я не пью перед боем. — Асон решительно прикрыл ладонью достойный Царя Эпокарийского кубок. — И вам не советую. Может, сперва вы и станете храбрыми, но потом вы станете мёртвыми.

Сонэрг с силой стукнул кованым копытом о мрамор и засмеялся, вернее, заржал. Мозаичник торопливо выпил, сосед Асона справа, кажется, храмовый каллиграф, махнул красивой длиннопалой рукой.

— Осторожность нас спасёт, если мы удерём, а удирать некуда. То есть нам некуда... Вот слюдяниц и голубей я выпустил...

Стурнийские мозаики

— Ты выпустил слюдяниц?! — Разом подобравшийся кентавр принялся разглядывать пол. — Куда?

— В водосборник, — успокоил каллиграф. — Может, выплывут.

— Или вылезут в Нижних храмах, — осклабился Сонэрг, — и поприветствуют иклутских ублюдков. У них это выйдет лучше, чем у вас.

— Я выпью и что-нибудь напишу, — вдруг заявил третий, до того сосредоточенно таращившийся на сваленное в углу оружие. Оно тоже было бы достойно Царя, будь Царь достоин его. — Вот напишу, и всё! Напоследок... От души и для души. Раз в жизни можно, а, «звёздный»? И к горгонам форму! Судить будут не жрецы, а боги. Им вряд ли важны размер и рифмы.

— Богам ничто не важно, — фыркнул кентавр, и Асон вспомнил, как давным-давно выпытывал у старины Сонэрга, на кого ставить. Тот подсказывал с такой же брюзгливой миной. Разумеется, если не дрался сам.

— Богам ничто не важно, — назойливо повторил гнедой. — Иначе б они кого-нибудь уже испепелили. Не вас, так иклотов, будь они прокляты, но боги, будь они прокляты тысячу раз, только смотрят!

— Сонэрг, — не очень уверенно попросил каллиграф, — не кощунствуй.

В ответ кентавр хрюкнул и выплеснул в свою кашу едва ли не бочонок красного, даже не подумав смешать его с водой. Случайные сотрапезники, бронзовые и мраморные изваяния, накрытый прямо в недостроенном храме стол — все это казалось бредом, но бредом последние годы было все, от взбесившихся людей до бросившего скипетр Ниалка. Сорок с лишним лет бреда — это слишком, но конец был очевиден и близок. Его оттягивали не из страха и даже не из ненависти к взбунтовавшейся глине, а по привычке. Драться до последней возможности, не складывать оружие, а упав, подниматься. Этому «звёздных» учили всю жизнь, это и было их жизнью, которая принадлежала Небу и Царю, только Небеса молчали, а Ниалка вспоминать

Боги смотрят. Часть первая

не хотелось. Царь своё получил, и в этом не было ни радости, ни горя, разве что извращённая справедливость. Отрёкшийся владыка умер, и умер страшно. Некогда светлое царство, от которого он отрёкся в надежде сохранить — нет, не жизнь, тогда ей ничего не грозило — покой, ещё билось в агонии.

— Ну и зачем я тебя привёл? — Повеселевший Сонэрг отпихнул свой котёл и опустил на плечо Асона покрытую почётными татуировками ручищу. Человек рухнул бы на пол со сломанной ключицей, титан лишь поморщился:

— Откуда мне знать? Может, память?

— Может. — Второй ручищей кентавр подгрёб к себе мозаичника. — Помнишь, как я уделал белоногого?

— Это ведь был твой первый венок? — переспросил мозаичник. — Я тогда здорово просадился...

— Не ты один! Давай ключ — выйду. Храм всё-таки...

— Зачем? — не понял каллиграф. — Всё равно завтра эти...

— Вот потому и выйду. Не хватало, чтобы тут скотство нашли!

— А... Всё равно скажут...

— Скажут — да. — Сонэрг зло сощурился. Именно с таким взглядом он выходил на ристалище. — Только это будет враньём! Я согласен на любое враньё, но не на правду, которая понравится иклутам. Они вас ненавидят, но вы для них все ещё боги. Извольте таковыми и сдохнуть!

* * *

— Пора, друзья. — Идáкл оглядел смотревших на него воинов и твёрдо повторил: — Пора. Хватит тянуть. Весной на месте их проклятых лабиринтов должны зазеленеть оливковые рощи. Земля и воды должны давать, а не брать!

— Зачем торопиться? — Невкр, сводный брат вождя, обезоруживающе улыбнулся и подул на горячую, только с огня, лепёшку. — Каждый лишний день — подкрепление для нас и отчаянье для них. Оливы смертны, но живут долго, что для них одна весна? Она ничто даже для нас, а мы свои годы

Стурнийские мозаики

в отличие от белокрысых считаем. Глупо позволять им забирать нас с собой.

— Ты ешь давай! — засмеялся вождь. Сегодня он ужинал у костров лекавионской фаланги. Значит, завтра лекавионцам выпадет самое трудное и самое почётное.

— Я ем. — Стратеги Идакла от простых воинов отличались лишь двойными плащами — алыми, скрывающими кровь, днём, белыми, указывающими путь, ночью. — Только у скольких из сидящих возле этого костра есть сыновья?

— Хорошо, если у трети, — негромко предположил Идакл. — Свобода — бог молодых, но ждать опасней, чем драться. Мы загнали титанов в нору и раздавили их гордость, но они могут опомниться. Или сойти с ума. И то и другое нам обойдётся дороже штурма, ведь Линдеи даже не крепость. И не забывай: войску нужно есть, и есть хорошо. Земледельцы и пастухи и так отдают нам больше, чем могут, мы не вправе объедать их ещё год. Война — это вытопанные поля, необработанные сады, нерождённые дети... Сорок лет... Я старше большинства из вас, но и я не помню мира. Пора положить этому конец. Копейщик, с кем ты согласен? Со мной или с моим братом?

От неожиданности Тимэзий вздрогнул. Он сражался с белокрысыми восьмой год и в свои двадцать пять по праву считался ветераном, но «говорить» с титанами было проще, чем отвечать вождю. Горло отчего-то перехватило, и этим воспользовался паршивец Клибнт.

— У меня нет жены! — выпалил он и отчаянно покраснел. — Но у меня шестеро братьев. Младших... Если меня убьют, они останутся, и они... будут счастливы!

— И они, — очень серьёзно подтвердил Идакл, — и тысячи, десятки тысяч других. Те, кто завтра умрёт, умрут за них. И станут бессмертными. Память живущих и есть наш элизий! Иного вечного блаженства мы не ищем, да его и нет!

Я не раз говорил, что Линдеи должны быть разрушены, а Стурнон — сожжён. Мы для них ничтожные «иклуты», они для нас — мертвецы. Я говорил это, когда нас били, я говорил это, когда мы в первый раз устояли, я говорил

Боги смотрят. Часть первая

это вчера у костров ионнейцев. Сейчас я говорю это вам. Впереди — победа. Окончательная. Истинная. Победив, мы, дети Времени, братья Свободы, мужья Гордости, создадим своё царство, царство людей, в котором все будет зависеть от нас: ведь наши боги всегда с нами. Их не нужно отливать в бронзе и переводить на них мрамор. Плодоносящая олива — вот наш бог. Память, которую мы передадим сыновьям, — вот наш бог. Свобода и гордость, дети и любимые — вот наши боги. Мы не строим им капищ, мы носим их в сердцах.

Мы — пчёлы Времени Всемогущего, нам отпущен малый срок, но падающие звёзды, сгорая, вершат судьбы мира и указывают путь. Пусть каждый из нас не так уж и силён, но кто одолеет Рой? Мы собираем мёд для своих детей, и отжившим своё титанам не встать на нашем пути. Готовьтесь к штурму, друзья. Первыми заговорят тараны кентавров, вторыми — ваши копья и пращи. Постарайтесь как следует выспаться и не забывайте: наша сила в плече товарища. Держите строй. Не отрывайтесь друг от друга, не торопитесь, не опускайте щитов... Воин, а ведь я вспомнил твоё имя. Ты — Тимезий, один из уцелевших у Ионнейского брода. Ты ещё добыл у титана копьё, оно с тобой?

— Я переделал его под свою руку...

— Он его не только переделал. — Полусотник Арминакт гордился успехами подчинённых сильнее, нежели собственными. — Наш Тимезий объяснил троим белобрысым, что их Время пришло.

Вождь удовлетворённо кивнул, Невкр вновь светло улыбнулся: на счету брата вождя было не меньше дюжины титанов, а Идакл, пока стратеги не запретили ему видеть бой иначе, чем со спины коняги, прикончил десятка два. Что в сравнении с этим трое ополченцев, пусть и выше тебя на две головы?

— Я ещё не встречался с мечеглазами, — честно признал Тимезий.

— И ещё ты не ответил на мой вопрос. — Идакл в отличие от брата почти никогда не улыбался. — Тебя опередил то-

Стурнийские мозаики

варищ, но ты видел больше него. Присмотри за ним в бою. Пусть у матери останутся все сыновья. Все семеро.

На этот раз Клионт промолчал и даже уставился на свои сандалии. Тимезий ухватил мальчишку за ухо.

— Я так и так это делаю, вождь. И я согласен: Линдеи должны быть разрушены. Войну пора кончать.

* * *

— Любуешься? — Сонэрг соизволил заговорить, когда Асон напрочь забыл об уединившемся на заваленном строительным хламом дворе кентавре. — Иклуты так не построят...

Вышедший подышать «звёздный» не ответил, зачем? Ночь, как назло, выдалась безоблачной, и Линдеи тонули в лунном молоке. Пустота и резкие чёрные тени превращали ещё живой город в зависший на границе небытия призрак, но галереи, статуи, храмы существовали, и их следовало защищать. Если позволить людям пройти до самого Стурнона без боя, они заподозрят ловушку, и потом, не бросать же всё это просто так! Молчание богов и слабость царя смыли со щитов их имена, но сами щиты остались.

Сзади совсем по-лошадиному вздохнул Сонэрг. Он тоже смотрел. Кентавров, тех, кто сохранил верность, в Линдеях не набралось бы и сотни, и Асон уже перестал понимать, почему они здесь. Прежде это казалось в порядке вещей: титаны — избранные Небом господа, кентавры, фавны и горгоны — их ближайшие и вернейшие слуги. Мир вспыхнул сухой соломой, горгоны вспомнили о крыльях, фавны попрятались, кентавры приняли сторону людей, а Сонэрг со товарищи наплевали на мятежных сородичей, и теперь те спят и видят переломать по новой традиции «отступникам» все ноги. Почему кентавры изменили, Асон понимал, почему изменили не все — нет.

— Сонэрг! — Гнедой прожил достаточно много, даже больше, чем Асон, вдруг сможет объяснить? — Почему ты здесь?

— Потому что пока не сдурел. — Могучая нога одним ударом разнесла в щепки пустой бочонок. — Справедливости

Боги смотрят. Часть первая

им хочется, как же! Справедливость, это когда первый — первый, последний — последний, и все знают цену всем. Я на ристалище первый уже третью сотню лет. Не случись этой дури, ещё б столько продержался. Ну а всяким одрам это поперёк горла, только в первые им не выйти, вот и бьются. Думают, я мешаю, а дело — в них. Я, может, завтра околею, только навоз навозом от этого быть не перестанет, так и с иклутами. Ну, выбьют они вас, а дальше? Всё равно в сорок останутся без зубов, в пятьдесят — без девчонок, а в семьдесят сдохнут. И чтобы я такое на спину сажал?!

Всадников на кентаврах Асон помнил. С них поражение и началось, с них и с того, что у людей появился вождь. «Звёздный» невольно потянулся к мечу. Отдав Небу положенное и выслужив личный клинок, он не думал когда-нибудь вновь войти в здешний Лабиринт. Носитель звезды мог жениться, зажечь собственным очагом, иметь ребёнка... Они с Интис хотели сына. То, что пришлось встать между святынями и низкорослым визгливым сбродом, до сих пор казалось невероятным. Циклопы, вернувшиеся из-за моря изгой, драконы, наконец, — это было бы понятно, но люди?!

— Я понял, почему ты не с ними. Только это не повод подышать с нами. Ты мог просто уйти. Фавны так и сделали.

— Эти?.. — Сонэрг смачно фыркнул. — Привалившиеся спиной к стволу оливы... Со свирелями и козлиными задницами. Тоже вымрут. Скоро и пакостно. Вот на это я бы глянул. И на тех дураков, кому вы глаза застите. Так застите, что собственного дерьма не разглядеть... Ничего, насладятся ещё. Царство радости, счастье для всех... Тьфу! Видал я такое в садке со слюдяницами. Есть кого жрать, жрут. Нет — жрут друг друга, вот и считай: вам, бессмертным, конец, а тут — мы. Понравится иклутам, что полускотам по тысяче лет отмерено? Вы нам с одного бока наподдали, они с другого врежут, с завистливого. А назад их не загнать, разве что боги наконец зачешутся. Пошли, выпьем, что ли.

— Иди.

— А ты?

Стурнийские мозаики

— Я — в Стурнон, — внезапно решил Асон. — Вряд ли я завтра до него... доживу.

— Пить и в самом деле хватит, а дрыхнуть не выходит. — Сонэрг как-то странно протянул руку. — Влезай!

— На тебя? — Отречение Ниалка и то было не столь невозможным. — Верхом?!

— А то, Время тебя за уши! Хочу сбегать на ристалище... В одиночку — тошно, наши... те, кто не сдурел, не поймут, а тут — ты.

— Я не «краснорукий».

— А где те «краснорукие»? Лезь! А в Стурнон успеем!

Больше Асон не спорил. Безумная ночь требовала безумств и боялась пустоты, а на линдейском ристалище он провёл не худшие часы. Сонэрг принял с места коротким галопом. В Лабиринте проживший в Линдеях чуть ли не всю свою жизнь кентавр разбирался не хуже жрецов и стражи. Мимо проносились громады зданий, белели рёбра галерей, жёлтыми звёздами вспыхивали костры или распахнутые двери. Послышался звон струн, женский — Всесоздатель, тут остались женщины! — голос запел хвалу вечерней звезде и утонул в цокоте копыт. Следующая песня за следующим поворотом была мужской и пьяной. Её тоже надолго не хватило...

II

Справа от почти полной луны догоняли друг друга две звезды — красноватая и ласково-голубая. Смерть и Жизнь. Дочери Времени Всемогущего. Сестры никогда не ссорятся. Смерть берет то, что не может удержать в горстях Жизнь. Жизнь собирает то, что потом отдаст Смерти. Завтра они поделят пришедших к Линдеям, а пока здесь властвует луна. И мешает спать. Тимезий ткнулся лицом в верный мешок, но ни плотно прикрытые веки, ни потёртая овчина не спасали от настырного светила. Копейщик сдался, перевернулся на спину и открыл глаза.

Боги смотрят. Часть первая

Луну медленно рассекало узкое облако, единственное на небе. Выше звёздные Кони рвались из рук Колесничего, в ногах его валялся никому не нужный Венец. Ночь перевалила за половину, но до рассвета было неблизко. Последняя ночь перед последним штурмом... Тимезий слишком хорошо знал титанов, чтобы не понимать: бой будет страшным. Сломать церемониальные ворота, пусть и замурованные, для коняг — игрушки, но дальше придётся туго.

Стараясь не шуметь, человек вытащил копьё и кусок козьей шкуры — протереть наконечник. Это хоть как-то отвлекало от лезущей в душу луны и неуместных перед схваткой мыслей, а жить хотелось всё сильнее. Отчаянно, исступлённо, как, наверное, никогда раньше. Клионт тоже не спал, но иначе. Мальчишка и так ждал штурма, словно совершеннолетия, а тут его ещё Идакл заметил! Как же после такого завернуться в плащ и засопеть? Как вообще спать под такой луной?!

— Тимезий, — прошипело у самого уха, — ты чего не спишь?

— Не хочу. А вот некоторым не мешало бы...

— И я не хочу. — Клионт перешагнул через Матрея, зацепился за мешок и почти свалился у погасшего костра, чудом не отдавив ноги спящему Арминакту. — Какое оно у тебя всё-таки...

— Такое, — усмехнулся копейщик, — только не больно-то хватай. Грани — хоть брейся!

— Сам не порежься!.. Хорошо тебе, а моим плащ не сразу пробьёшь... Слушай, ты белобрысого вместе со щитом к дереву пришпилишь?

— Я тебе не коняга! Пробить панцирь сил, пожалуй, хватит, но лучше изловчиться руку или ногу подрезать... Ты Невкра спроси, он — лучший.

— Брата вождя?!

— А что? С Идаклом вы теперь приятели...

Замолчал. Думает... А луна все пляшет. По плащам спящих и мраморным восьмиугольным плитам. По краю разбитого фонтана, в былые годы поившего паломников. По наконечнику отложенного в сторону копья... Тимезий видел, как

Стурнийские мозаики

в руках опытных воинов-колесничих копьа с такими наконецниками рубят людям руки и головы не хуже тяжёлых секир, а при колющем ударе пробивают тела насквозь... Те, кто перемолол под Ионнеями две фаланги, наверняка теперь в Линдеях. За смешной стеной... За истончающейся ночью... В лабиринте колесницам не развернуться, но мечеглазам они не нужны, да и «краснолапых» вряд ли всех выбили. Это только говорится «последний штурм», а после него ещё добирать и добирать.

— Тимезий!

— Чего ещё?

— А как ты у Ионней? Как ты того белобрысого?..

— А то ты не слышал! — Вспоминать о поражении перед боем — дурная примета. Перед боем вспоминают о победах, но... Но ведь ты, именно ты, тогда победил. Любой ценой выносить отбитые копьа — приказ вождя. Прежде всего — оружие и раненые, а мёртвые уже мертвы. Земля одна на всех, это титаны, пока могли, волокли покойников, что познатней, в свои некрополи, людям довольно памяти и победы.

— Расскажи... А то Арминакт всего не видел.

— Арминакт и не мог, он в это время пытался нашу полусотню к холму отвести... А получилось так — когда в первой же схватке удалось «краснолапого» прикончить, мы было решили, что белобрысые прыти-то поубавят, остановятся, мы их на топкое место и загоним. Только не срослось. То ли вёл их кто другой, то ли всё у них навыворот, но озверели они совсем и так врезали, что коняги наши и те сплоховали, да... Не все, но нам хватило. Я с краю стоял, ну кентавры нас, удирая, и задели, человек пять с ног сшибли. Меня тоже. Пока поднялся, фаланга отступила, а белобрысые уже близко... Хорошо, Пифар, вожак, последним шёл, вот я ему на спину и сиганул. Коняги такого не любят, но тут не до ссор было. Он за своими помчался, чтобы вернуть, ну а мне куда деваться, держусь. А тут белобрысый сбоку, и откуда только взялся?.. Меня в расчёт не принял, на Пифара копьём нацелился. Ну, я с ходу со спины Пифаровой и прыгнул. Повезло, как раз в жизни везёт, — мечом прямо в горло попал.

Боги смотрят. Часть первая

Копьё подхватил, Пифар ржёт, довольный, сам меня на спину забросил, и вперёд.

— А меч, ну, который с камнем?

— Так то не мечеглаз был, обычный копеецник, таким длинный меч не положен. А даже и был бы — зачем он нужен...

— Я бы не бросил.

— Ты ещё истукана с площади подбери! Ну выволок бы я эту красоту, а дальше что? Меч без своего мечеглаза хуже собаки без хозяина, та хотя бы сразу недохнет. Уж не знаю, как белобрысые это делают, только в чужих руках меч до первой крови живёт, а дальше — всё! Полклинка — в пыль, рукоять, как из горна, а тебе — конец...

— Тогда ещё больше надо... Ну, набрать таких мечей... Может, их переучить как-то можно. Кровь им свою для начала дать или ещё что?

— А то без тебя никто не догадался! Нет уж, пусть сгинут вместе с хозяевами, а выплавлять железо не хуже мы научимся. Своё и по-своему!

— Тимезий?

— Ну?

— А почему они «краснолапые»?

— Наручи у них красные, — неохотно пояснил Тимезий, и дело было не в том, что не хотелось пугать мальчишку — Клионта нельзя было напугать. — Болтают, что первый «краснолапый» голыми руками разорвал кентавра в самом толстом месте. Царю белобрысых это понравилось, вот и стали лучшие мечеглазы «краснолапыми».

— Брехня! — убеждённо объявил Клионт. — Кентавр — та же лошадь, а лошадь не разорвёшь.

— Лошадь, может, и не разорвёшь, — поддел проснувшийся Матрей. — А тебя — запросто!

— А вот и нет! Ты его раньше заколешь!

— Эй, — хрипло пообещал разбуженный Арминакт, — заткнулись бы, что ли. Я вам не «краснолапый», но как раздеру!

Клионт прыснул первым, но полусотник с Матреем отстали ненамного.

Стурнийские мозаики

* * *

Жрецов вывели ещё вчера, но храмовый огонь горел, а в священном бассейне журчала вода. Асон чуть разжал пальцы, и зерна пшеницы тоненькой струйкой потекли в пламенную чашу. Обычная жертва воина перед битвой, но Асон принёс ещё и сорванные у входа мальвы. Плоды — Солнцу и Пламени, цветы — Луне и Воде... В память Ёнтис, которую он назвал бы женой, не пойдя всё прахом. Ёнтис нашла иной алтарь. Кто-то шепнул, что Небо ждёт настоящих жертв, и началось... Они это делали по доброй воле. Не все, разумеется, но делали. Женщины, старики, подростки убивали себя, чтобы те, кого они покидают, победили. Уцелевшие к тому времени старейшины не рискнули запретить жертвоприношения, возможно, тоже верили, что поможет. Не помогло...

Прощальные цветы тихо упали в священный бассейн, медленно, очень медленно закружились, отдаляясь от мраморной кромки. Война с людьми тоже была водоворотом: державу сносило к невидимому жерлу, но понимали это немногие. Ниалк их не слушал, а ведь можно было успеть... Выжечь, договориться, уйти, да что угодно, только не ждать грозы под деревом, заткнув уши. Время было — полыхнуло не сразу и не везде. Пока «звёздные» гоняли иклотов по северо-восточным лесам, те ударили по земледельческому востоку. Ударили так, что вскоре спасать там стало нечего и некого. Первыми это поняли горгоны и исчезли. Их оуждали, но не слишком: летунам было нечего защищать, и хорошо, что они просто убрались за море. Кентавры, те припомнили запрет на жизнь в двенадцати городах, лишение права на вход в храмы, скачки и бои, наконец... Обида слуг, слабость жрецов и старейшин, молчание Небес, они всё и решили.

Асон окунул пальцы в воду, смочил виски и поднялся к древней алтарной плите, узоры на которой вырезали ещё те, с кем говорило Небо. Принёсший жертву мысленно перечисляет тех, за кого просит. «Звёздный» пытался вспомнить

Боги смотрят. Часть первая

нуждавшихся в его молитве и не мог. Они все ушли раньше — оказавшаяся в центре резни родня, погибший почти сразу наставник, Интис и её мать... Асон был согласен умереть, сражаясь, но прижать к груди слюдяницу, чтобы кто-то услышал и ответил?! Наверное, Интис любила сильнее. Наверное — потому что он её почти забыл, а ведь не прошло и двадцати лет!

Он забывал, гоня лезущие изо всех щелей людские стаи и убивая. Стоя на месте и убивая. Отступая и убивая. Хуже всего пришлось в осаждённых Ниннеях, городе тысячи лиловых колонн. «Звёздные» смогли вырваться и оттуда. И снова схватки, одна страшней другой, и все впустую... Когда в строю осталась едва ли треть, а пробиться к столице не удалось, командир, последний «краснорукий» их отряда, решил идти в Линдеи — там Стурнон, Благодатный и Небоугодный. Его надо защищать, а жрецы скажут, что делать. Пошли... На полдороге, у Ионнейского брода, угодили в ловушку. Копьё нёсшегося галопом кентавра пробило щит и бедро командира, а секиры людей, скопом накинувшихся на упавшего, довершили дело. Вспыхнувшая в уцелевших ярость позволила не просто прорвать окружение, а изрубить большую часть ненавистных иклутов в куски. Остатки врагов бежали, позволив титанам добраться до берегов Стурна.

Новости, которыми встретили Линдеи, убили и гордость от одержанной победы, и надежду. Столица пала, когда они подходили к Ионнеям. Величайший из городов превратился в величайшую из могил — живых люди не оставляли. Теперь полчища двигались к Линдеям, а отступать было некуда. Кто-то, услышав такое, кинулся на меч, кто-то побрёл куда глаза глядят, кто-то обрёзал волосы и поднял паруса в надежде найти приют у извечных врагов. Асон не осуждал никого, но самоубийство, бегство и плен были ему равно отвратительны. Он остался в Линдеях ждать последнего боя, и их, ждущих, было не так уж и мало. Достаточно, чтобы превратить знаменитый Лабиринт в ещё одну могилу. На этот раз для иклутов.

Стурнийские мозаики

Вечный ветер Стурнона больше не охлаждал виски — вода высохла, теперь мысли паломника известны Всесоздателю. Отцу богов. Небу, которое лишь смотрит. Что ж, пусть знает... Прощаясь, Асон коснулся алтарной плиты и вдруг осознал всем своим существом: он в самом деле в Стурноне. Пустом. Ночью. Один. И это конец Эпокарийского царства и конец титанов, пусть разбежавшиеся и протянут по разным углам ещё не одну сотню лет.

Путь назад был недолог, но цветов в бассейне уже не было — водоворот не мешкал. Завтра, послезавтра, через неделю воды великого озера возьмут больше, много больше... От ворот Свитков до Стурнона паломники доходили за час, но они шли по цветам, а люди пойдут по собственным трупам. Ну и по трупам «звёздных», разумеется.

Последняя ступенька. Лунный прямоугольник двери, и чёрный силуэт на пороге. Сонэрг, и как же хорошо, что он здесь!

— Не думал, что ты станешь ждать.

— Не на своих же двоих тебе тащиться — рассвет на носу... И потом... Вот.

Гроздь чёрного винограда, недозрелая, ещё с листьями... Как же он пахнет, только что сорванный виноград!

— Отнеси туда... От меня и за всех наших.

— Но почему не ты сам?!

— Полускот, вошедший в освящённый храм. — Сонэрг хохотнул и резко стукнул копытом о камень. Брызнули искры. — Да не в какой-нибудь, а в Стурнон! И «звёздный» на карауле. Кому рассказать...

— Некому рассказывать. И мешать некому, нет там никого. Иди, я подожду.

— Не пойду! — Кентавр мотнул волосами, словно злющий жеребец — гривой. — Раньше, было дело, залезал. Служил тут один, за подсказку на ристалище не только полускота в храм пускал, сам бы кобылой стал... Я и требовал бочонок ниннейского, чтобы выпить у бассейна. Ничего, приволок, выпили... А сейчас иди ты!

— Да почему, приברי тебя Время?!

Боги смотрят. Часть первая

— А потому! Одно дело — дурачить жрецов, другое — лезть в Стурнон, когда всё кувырком... Нет уж! Пока мне запрещали дураки, я на них плевал. Теперь запретить мне могу только я. И я запрещаю. Отнесёшь?

...Бассейн принял виноградную гроздь, как часом раньше мальвы. Асон не отрывал взгляда от закружившей добычу воды до самого конца. Мысли о прошлом постепенно уходили, словно их вымывало из гудящей головы. Мысли о будущем приходить не желали, и понятно — будущего просто не было. Оставалось лишь осознание настоящего и места его, Асона, в этом настоящем: он — «звёздный», и он будет защищать Линдеи и тех, кто не ушёл. Просто будет, и всё.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Взошедшее солнце ударило в эгиду венчавшего колонну колосса, и Тимезий признал правоту вождя. Это надо снести. Пока над тобой висится золотой истукан, ярма с души не сбросишь, будь ты хоть сто раз победителем.

Таран мерно бил в ворота. Фаланга ждала своего часа в боевом строю, только копыта пока упирались в землю, а щиты висели на своих ремнях. Ворота падут, и воины двинутся вперёд извивами лабиринта, с каждым шагом приближая победу, с каждым шагом теряя своих... Тимезий завертел головой, всматриваясь в лица товарищей и встречая взгляды, повторявшие его собственный. Арминакт, Гистий, Матрей... Они не знали, не могли знать, кто дойдёт до победы, кто хотя бы до берега Стурна, кто — ляжет у самых ворот. Умереть в последнем бою казалось особенно обидным, а ведь, было дело, Тимезий боялся умереть, отступая. Те, кто учил его, храброго, но неумелого, выживать и побеждать, почти все погибли, а он учился, и ему, кроме того, везло. Вот и смог прийти до этого гиблого места.

Хрустнуло — дышавший в затылок Клионт раздавил какой-то черепок. Орудующих тараном коняг с места, где стояла полусотня, было не разглядеть, и парень таращился на сверкающего истукана. Главный бог титанов. Небо, пре- красное и недостижимое. Бесплодное. Гордое. Неизменное

Боги смотрят. Часть вторая

и меняющееся. Что в сравнении с ним смертные муравьи? Всё! Потому что изгой и бог изгоев Время оскопил надменного отца. Потому что дети Времени свободны и знают радость любви и победы. Пусть они смертны, зато они живут!

— Клионт! — окрикнул Тимезий. — Нашёл куда смотреть...

— Что? — Дуралей не знал, что боги порой замечают и муравьёв, а дожить хотелось. Дожить и увидеть то, за что не жаль сдохнуть, но лучше всё-таки уцелеть.

— Ничего. Двинемся — от меня ни шагу. Понял?

Клионт кивнул и опять запрокинул голову. Пришлось врезать по курчавому тёплому затылку.

— Сказано, не смотри! Вот когда вернёмся...

— Ладно тебе. — Мальчишка широко улыбнулся, он не умел злиться на своих. — Здорово же! Надо вместо этой дыры наверх что-то затащить... Или огонь зажечь, чтоб как в порту, только больше. Пусть горит и не гаснет...

— Ишь ты! — присвистнул Арминакт. — Чтоб не гас, значит? А хворост наверх кто таскать будет?

Клионт насупился и притих. Придумывает какую-нибудь корзину на верёвках или ещё чего-нибудь, а маяк, как его ни назови, и правда не помешает. Оливы и огонь, Жизнь и Смерть, что волею Времени Всемогущего владеют всем, кроме душ человеческих.

— Хватит зевать! — Арминакт привычно перехватил копьё. — Коняги своё отколотили, дело за нами.

* * *

Асон не видел, как погибал Сонэрг. Может, он ещё и не погиб, но сердце словно бы сжало за мгновенье до того, как сигнальные гонги принесли весть: враг на площади Свитков. С таранами управлялись кентавры, и они же первыми устремлялись в пробитую брешь. Разгорячённых, осыпанных каменной крошкой отступников встречали сохранившие верность. Битвы кентавров были страшны даже на ристалище, недаром туда пускали лишь совершеннолетних мужчин, что уж говорить про нынешние схватки, где

Стурнийские мозаики

конская ярость сплелась с человеческой ненавистью, а ненавидят люди лучше других. Ненависть начинается там, где кончается вечность, вот она и началась.

«Звёздный» сидел на мраморной глыбе, которой так и не стать колонной. Шурился на солнце. Слушал растекающийся по улицам глухой рёв. Ждал. В Лабиринте кентаврам-чужакам придётся плохо. Таранщиков людскому вожаку не сдержат, но когда они лягут, вперёд пойдут люди. Этих встретит ополчение. И не остановит. Ополченцы вправе отступить без приказа, они и отступят. Люди бросятся следом, растекаясь по Лабиринту, теряя строй, забираясь все глубже и глубже... Кто-то упадёт у недостроенных храмов, кто-то найдёт конец у ристалища, кто-то прорвётся к озеру... Сонэргу следовало находиться там, но он пошёл к воротам. «Я не желаю видеть иклутов в Линдеях и не увижу. Пока я жив, они не пройдут, когда они пройдут, не будет меня...» Гнедой знал, чем скоро станет Стурнон, и всё равно сделал по-своему. «Стены Линдей святы...» Стены ли?

Родись Асон четвероногим, он бы дрался рядом с Сонэргом, но «звёздные» будут исполнять приказы, хотя бы рушилось небо, а последний приказ был прост, понятен и не вызывал сомнений. Глупо умирать, забрав с собой десяток, если можешь забрать сотню, а повезёт, так и больше.

— Всё.

— Да, это уже не кентавры...

Люди тоже в бою кричат, но их крики после яростных хриплых визгов — почти тишина. Тишина, которая приближается, а перед ней прибоем катится стук копыт. Вот и они... Шестеро. В мыле и крови, но, кажется, не ранены. Сонэрга нет, а спрашивать — дурная примета. Отвечать, впрочем, тоже. Значит, просто встать и поднять руку.

— Уходящие в бой приветствуют вас.

— Мы к Стурнону, — кидает на бегу рыжий белоногий бородач. — Мы всё помним.

— Мы скажем и за вас, — добавляет ещё один, молодой и златокудрый. Асон видел его на ристалище. Или не его?

Боги смотрят. Часть вторая

— Вы за нас, — подтверждает «звёздный», но он, Асон, ещё и за Сонэрга, Интис, троих вчерашних чудаков... За кружащие в бассейне цветы и огонь, который хотят погасить.

Снова гонги: ополченцы, удерживавшие Хранилища, просят помощи. Они продержались даже дольше, чем требовалось, но ремесленник или художник, пусть и в лучшем панцире, всё равно не воин. Асон привычно коснулся меча, пробуждая заключённую в рукояти «звезду». В глубине полированного камня вспыхнул малиновый огонёк, почти невидимый в солнечных лучах. Почему его «звезда» горит малиновым? Почему о таком задумываешься тогда, когда не остаётся времени ни на что?

— Половина — к недостроенным храмам, — велит начальник, пробуждая уже свой меч. — Остальные — здесь.

Половина «звёздных»! Как звучит, если не пересчитывать...

II

Линдеи на памяти Тимезия были не первым взятым городом, но в опутавшем храмы лабиринте копейщик чувствовал себя юнцом почище Клионта. Пауки, те свою паутину знали, но гостям, да ещё столь нежеланным, приходилось плохо. Белобрысые выскакивали из узеньких боковых улочек, прыгали с крыш, вылезали из вовсе непонятных укрытий и убивали, убивали, убивали, чтобы вновь исчезнуть в проклятом Временем лабиринте. То есть пытались исчезнуть, но удавалось это не всем и не всегда: люди умели учиться.

— Это последний бой, друзья! — не поймёшь в который раз крикнул оказавшийся рядом Невкр. — Несколько часов, и — все... Победа!

Последний, но как же обидно за тех, кто уже не дожил... Упал Гелитат, и тут же — на него — Гистий. Отшатнулся, ткнулся лицом в трижды проклятый линдейский мрамор Детий. То ли ранен, то ли мёртв. Последний бой... Последний! Платить дюжиной своих за одного титана горько, только что поделаешь — здесь по-другому быть не может.

Стурнийские мозаики

Навстречу прохромал серый кентавр; он припадал на заднюю ногу, как обозная кляча, и то выл в голос, то ругался последними словами. Потом упал на бок, тоже по-лошадному, и забил ногами. В боку торчал обломок стрелы, рана казалась совсем лёгкой...

— Не лезть внутрь! Улицы... Пока только улицы! — Другой кентавр, на нём — воин в плаще сотника.

— Только улицы, — подхватывает Арминакт. — В храмы не лезть — змеи... Только жечь!

Змеи! Их Тимезий боялся с детства. Больше стрел и клинков. Больше подползавших к самой деревне крокодилов.

— Гады, — топает ногой Клионт. — Гады прячутся за гадов! Но это же... Это...

— Это титаны! — зло бросает Тимезий, обходя затихшую тушу. Их полусотня вступала в город пятой, а теперь они идут первыми. Была лекавионская фаланга, осталось... Мало осталось, но золотой истукан не будет унижать людей, хватит!

Топот, яростный боевой визг сзади. Отскочить к стене, оттолкнуть дурака Клионта. Ну и что, что свои?! В бою коняги дуреют! Хриплый крик, ругань. Так и есть, кого-то зашиб! Гигантский гнедой кентавр даже не оборачивается на сбитого, заносит копьё! Кто-то ещё успевает заорать о предательстве.

Арминакт. Теперь ещё и Арминакт!.. Гнедая смерть издевательски хохочет и исчезает в очередном отнорке. С крыш свистят стрелы, две находят свою цель...

— Вперёд, Лекавион! Этот бой... последний! Вперёд!..

Невкр уже без шлема, красный плащ мечется языком ещё не вспыхнувшего пламени, зовёт, приказывает, умоляет. Те, кто шагает рядом, — почти все чужие... Конец полусотнику, конец полусотне. Конец?! Они с Матреем живы! И мальчишка Клионт жив.

— Вперёд, друзья, впе...

Ярость разгоралась с каждой новой потерей, потому они и кинулись на вынырнувшую из дыма блестящую троицу. Тимезий бежал первым, по сторонам не смотрел. Не смотрел и вверх...

Боги смотрят. Часть вторая

— Вверху... зий!!!

— Стой!

Запоздавшее предупреждение заглушил треск валящихся глыб.

Товарищи остались позади, за мигом перекрывшим проулок завалом, но Клионт каким-то чудом проскочил сквозь камнепад и встал рядом. А впереди... Белобрысые. Трое. В своих проклятых панцирях, с гигантскими двухлезвийными секирами. Все преимущества за ними, но твари медлят... Растерялись?!

Чутьё выжившего в десятках схваток воина бросило Тимезия к высившимся у золочёной оградки врагам. Копьё с тяжёлым, чужого металла наконечником змеей скользнуло мимо выставленной вперёд секиры и с хрустом проломило панцирь. Скривилось не скрытое полумаской шлема надменное лицо... Точно так же открылся рот у прибитого к стене Арминакта. Точно так же!

Умиравший осел у ног торчащих столбами соплеменников. За плечом торжествующе завопил Клионт, а эти двое... Время Всемогущее — струсили! Швырнули свои секиры, повернулись и огромными шагами понеслись назад, туда, где в просвете между стен виднелась какая-то площадь. И ещё что-то большое, с колоннами, на другом её краю.

* * *

Асон даже не успел устать, он только разогрелся. Сначала бой у Хранилища, потом суматошная схватка на Фонтанной площади, несколько стычек с заплутавшими в незнакомых переходах сворами. Перед давешним храмом пришлось отбиваться от пары вконец обнаглевших кентавров, решивших, что справятся с одиноким мечником в ближнем бою. Не справились, конечно...

Пока все шло сносно, то есть сносно для тех, кто думает лишь о деле и живёт единым мигом. «Звёздные» большего и не хотели. Один Асон к полудню взял дюжины две иклутов, а бой ещё даже не выплеснулся к ристалищу.

Стурнийские мозаики

— Жив? Наших не видел?

Сосед из третьей сотни. Носитель бирюзовой звезды. Был весельчаком. Когда-то.

— Видел. Отходили к водосборникам.

— Сколько?

— Было... было девять!

— Спасибо... А я вот ваших не видел. Порадовать нечем.

Как и огорчить. Храм — нараспашку, наверняка после вчерашнего осталось и вино, и вода, а пить хочется! Всесоздатель, только этого и хочется!

— Проверьте, что там, — чужой десятник, пробегая, устало тычет мечом влево, — а мы — к перешейку! Гоните туда всех. Всех! Хватит тут...

* * *

— Клионт, стой! Стой, кому говорят, одному опасно...

Проклятое копьё удалось выдернуть из туши белобрысо-го лишь с третьего раза. Вот ведь тварь мясистая!.. И ты хорош, нечего было так стараться! Подсёк бы ноги, и хватит, небось не коняга, чтоб одним ударом — насквозь, а теперь поди догони!

Несколько лишних мгновений, всего ничего, но приятели убитого почти доскакали до угла. Захлёбывающийся от восторга Клионт нёсся следом, потрясая своим копьём. Дурак напрочь забыл про осторожность, и всё же... Тимезий даже замер на пару ударов сердца, уж больно зрелище радовало душу: здоровяки-титаны, побросав оружие, удирают от одного — одного! — человеческого юнца, не достающего им и до плеча.

— Стой, осёл!

Мчится вперёд, будто глухой! А кто бы на его месте слушал? Уж не ты ли?!

Копейщик торопливо оглянулся и с досады сплюнул. Улицы за спиной не было. Пара горящих домов, не вовремя рухнувшие истуканы, и они с мальчишкой оказались вдвоём в этой треклятой паутине, отрезанные от своих камнем и ог-

Боги смотрят. Часть вторая

нём. Невкр сейчас ищет путь в обход пожаров, а это непросто. Лучше выждать или пойти на шум, да куда там! Бегущие уже огибают рогатый выступ, ищи потом!..

— Клионт!!! Вот мелочь глухая...

Здоровенное блестящее тело лежит на пути, словно пытаюсь загородить дорогу. Нога встаёт на божественного титана, словно на зарезанную свинью. Вот и лежи... сын Неба. Трус, а два других труса уже скрылись из виду.

— У-лю-лю! — вопит Клионт и тоже исчезает. — У-лю-лю!.. Бей белобрысых!..

* * *

Асон расстался с «бирюзовым» на крыше прилегающего к площади дома. Вдвоём было бы лучше, но раз приказано проверить... Сосед кивнул и помчался верхами к водосборникам, Асон, прыгая с крыши на крышу, рванул к соседней площади. Она была пуста — ни врагов, ни своих, жёлтые ромбовидные плиты блестели, словно их подмели заботливые фавны. Титан спрыгнул вниз и пошёл вдоль стены, вслушиваясь в отдалённый гул, из которого вдруг вырвался топот и вопль... Боевой клич иклутов. Ну хорошо же...

Шаг в нишу, за увенчанный каменной вазой столб. Из чаши спадают плети настурций, кружат равнодушные, как само небо, пчёлы. Топот все громче. Топот и какое-то бряканье. Двое или трое. Не больше. Значит, эта ваза не последнее, что ты увидишь, а вот и они...

Двое выскакивают из-за угла. Ополченцы. Безоружные, с одуревшими лицами и устремлёнными в никуда остекленевшими взглядами, они проносятся мимо. Своих ночных собеседников Асон узнал сразу: похоже, бедняга каллиграф уже погиб, но мозаичник с поэтом ещё поживут. Немного.

Бегом через площадь навстречу иклутскому визгу. Теперь беглецы за твоей спиной, крикнуть бы им... Не поймут, а себя раньше времени выдашь.

— У-лю-лю-ю-ю!..

Стурнийские мозаики

Первый преследователь уже на площади. Одиночка с копьём. Ни на мгновение не задержавшись, кидается на нового врага. Одиночка — это странно, до сих пор меньше чем десятками икнуты не бегали. Мысль эта пришла уже потом, а сначала «звёздный» просто сделал шаг навстречу и ударил. Быстро и точно, как делал многие тысячи раз. Звякнуло о плиты выпавшее из руки человека копьё, и сам он, с разрубленным боком, рухнул следом.

* * *

Звонкое «у-лю-лю», с которым малыш гнал белобрысых, оборвалось. Это ещё ничего не значило, совсем ничего, но Тимезий побегал быстрее, проклиная жирного титана и собственную нерасторопность. Рогатый угол приближался чудовищно медленно, но человек его все же обогнул. И увидел.

Клионт скорчился на плитах отвратительно-жёлтого цвета. Тёмное пятно, быстро растекавшееся под телом, не оставляло места надежде — если кровь так хлещет, все ясно. Убийца стоял тут же. Один из тех двоих, он больше не думал убежать. Крупный, надменный, в блестящем панцире и шлеме. Тварь, подстерёг за углом и ударил, ах ты...

Ненависть швырнула Тимезия вперёд, но совсем сознание она всё-таки не затмила. И когда титан одним коротким движением перекинул из-за спины на левую руку овальный щит, а правой вскинул меч — проклятье, у него не секира, а меч! — человек успел среагировать. Ноги сами унесли тело вправо, подальше от смертоносного клинка.

Время Всемогущее, попался! Кем бы ни были те труссы, но этот... Навершие длинного меча полыхнуло малиновым, без слов сообщая, с кем Тимезия столкнула судьба. Шансов в поединке не было, это человек понял сразу. И простые титаны сильнее и быстрее людей, так захотели дурные боги, а уж мечеглазы! Что сделает бывший погонщик верзиле, начавшему убивать, когда Тимезия ещё не было на свете?

Боги смотрят. Часть вторая

Бежать? Бесполезно — догонит, и десяти шагов не сделаешь. Значит, драться! Драться и тянуть время. Если подоспел Невкр, они управятся. И не таких страшил брали...

Стоит, молчит, а с меча капает кровь Клионта. Теперь у матери осталось шестеро, а этот стоит и любит... Ведь проиграл, проиграл же, вот и тянет за собой живое, свободное, юное. Ну что, тварь? Думаешь, твоя взяла? Думаешь, убьёшь? Может, и убьёшь, но тебе тоже конец, не сейчас, так к вечеру...

* * *

Второй оказался умнее и, похоже, опытнее. Почувствовал опасность, успел прыгнуть в сторону. Замер, расставив ноги, — оценивает... Ну и мы оценим. Для человека — высок, всего на полторы головы ниже титана. Широкие плечи, сносные мускулы... Доспех из простёганной холстины, на бедре короткий меч. Икдутская работа, таким только горло упавшим перерезать, зато копьё! Древко паршивое, а вот наконечник знакомый. Широкий, зеленовато-золотистый, похожий на лист лилии. Трофей, значит, приспособил. И наконечник, и древко под ним — в алых пятнах. Кровь бедняги-каллиграфа? Другого ополченца?

Убить «звёздного» будет потруднее, а, недомерок? Как просто резать тех, кто строил, пел, лечил. Как просто косить траву, а ты сруби громовое дерево. Своим поганым икдутским топором сруби!

Шаг вперёд. Зов «звезды» успокаивает, помогая собраться. Воин без меча порой живёт долго, меч без воина — до первой крови... Жаль «звезду», почти так же, как Стурнон, как мозаики, которых никогда не будет. Жаль?! Нет, мы ещё живы!

А парень соображает. Не бросился бежать, понял, что глупо. Закружил влево, за щит, копьё наготове. Хочет удержать на расстоянии, выиграть время, а там набегут остальные, возьмут в кольцо. Да, икдут, ты, сразу видно, прошёл не один бой. Все делаешь правильно, но и сам ведь понимаешь, что это бесполезно. Ты молишься Времени? Время тебя и предаст!

Стурнийские мозаики

* * *

Тимезий попробовал «танцевать», поводя копьём и угрожая сразу и уколом в горло, и секущим ударом по ногам. Если повезёт, мечеглаз промешкает. Вбок, ещё вбок... Золото бликов, злой малиновый луч, стук сердца. Конец? Если и так, то лишь твой. Невкр скоро будет здесь, Невкр и фаланга... Назад, чуть вперёд, опять назад. Бережёт ноги? Тогда на волосок вперёд и сразу отступить. Влево. Пусть взглянет в глаза солнцу. Сперва солнцу, потом — смерти. Только бы продержаться! Перейти эту площадь, дойти до озера...

Не вышло. Мечеглаз тянуть не стал. Мгновенно, одним шагом, сократив расстояние, он краем щита отбил в сторону наконечник копья и обрушил на человека смертельный удар. Отскочить Тимезий не успел, но в последнее мгновение кувыркнулся в сторону и вниз, лезвие с тонким свистом пронеслось над самой макушкой. А вот подняться на ноги уже не удалось — проклятый титан развернулся гораздо быстрее. Стоящий на одном колене Тимезий даже не пытался уклониться от падающего ему на голову клинка, вместо этого он ударил сам, надеясь достать врага в бедро. Надежда оказалась тщетной — мечеглаз словно того и ждал. Он лишь немного качнулся, и золотистый тяжёлый листок, предав человека, ударил мимо. Все... Проклятье... Но другие будут жить! Счастливо. Долго... Будут...

* * *

Калиграф может спать среди лазурных небесных маков. Его кровь смыта, и не только его, но держался икнут неплохо. А, пустое... Это все уже не важно. Теперь вперёд, пока на площадь не вывалилась отставшая толпа. Теперь всё просто. Пока есть силы, он будет убивать, силы иссякнут — умрёт! Пусть остальные отходят, он останется здесь, у недостроенного храма, в который его вчера занесло. Думать поздно. И искать виноватых. Так вышло, так выпал жребий...

Топот за спиной. Кентавр, только чей?

Боги смотрят. Часть вторая

— Нашёлся! Нашёлся, морда твоя «звёздная»!

— Ты кого-то потерял, Сонэрг?

— Тебя и этих... Думал вытащить хоть до вечера... Не идут, а старину Эрсана убили... Каллиграфа... Где-то здесь.

— Я так и подумал. Похоже, вот этот и убил. Слышишь? Кажется, пролезли...

— Приятели покойной парочки? Другие? Не важно. Они идут сюда. Идут умирать.

— Встретим-ка их у колонн, «звёздный». Там удобней.

Бегом, положив руку на лоснящуюся гнедую спину. Так он бегал в школе воинов. Так он бегал в восточных горах, так бежит сегодня, в свой главный день. Почему он почти счастлив? Потому что жив? Потому что отомстил за нелепого, от безысходности влезшего в панцирь бедолагу? Потому что рядом друг? А может, дети Неба просто не могут умирать в страхе и боли, пока светит солнце и горит их «звезда»?

— Забыл вчера спросить, ты не из Нинней?

— Нет. Я с востока, а что?

— Ничего... Уже ничего.

Вот они, икюты, прут навстречу. Сомкнули щиты, два ряда копий уставились прямо в глаза. По давно заведённой привычке бросить взгляд на «звезду», прося немного удачи, перемигнуться с посланным Небом другом, и вперёд!

— Пожалуй, эти, слева, не слишком уверены в себе, а, «звёздный»? Копья в ручонках дрожмя дрожат. С них и начнём?

— Да, Сонэрг. С них.

Двое ещё не побеждённых. Сотня ещё не победителей. Два десятка шагов до смерти. До победы. До вечности. А боги смотрят. Они могут так мало, эти боги. Только зажечь звёзды в душах и смотреть в огонь.

Максиму Максимъчу

ИМЯ ИМ – ЛЕГИОН

Мы несём едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТУРНИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

1102 год Счастливой Эры

Ч ахлые померанцевые деревья в огромных кадках по обе стороны входа в резиденцию прокуратора напоминали, что ты не на юге, где решается спор Роя и Грифа¹, и не на севере, где границу прикрывает Октавианов вал и где тоже кипит жизнь, а в самом что ни на есть захолустье. Сухом. Пыльном. Скучном и неизбежном, если хочешь сделать военную карьеру. Сенаторы начинают писцами, военачальники — младшими командирами в забытых Временем крепостицах на краю варварских степей. Выдержишь три года, и тебя отправят туда, где ты либо умрёшь, либо пойдёшь в гору, а пока закаляй волю и пиши стихи. Или читай те, что наказывали другие. Не хочешь творить — охоться, пей, таскайся к местным девкам — в свободное от гарнизонного ярма время. Другой дороги наверх в Стурне нет, разве что присосаться к кому-то из уже поднявшихся, но Тит принадлежал к дому Спентадов, а значит, должен был карабкаться на имперскую гору сам.

¹ Золотой Рой («Идакловы пчёлы») и Улей — символы Стурнийской империи. Сжимающий молнии Гриф — символ вечного её соперника Велонской республики.

Стурнийские мозаики

— Прокуратор ждёт! — возвестил тучный домоправитель, слишком угодливый для свободнорождённого и слишком самодовольный для раба. Вольноотпущенный, надо полагать.

— Иду к прокуратору. — Воин входит с мечом даже в Сенат. Дважды этим пользовались убийцы, но убивать прокуратора Отрамы Тит не собирался. Убивать всех, кто неприятен — это для варварских царьков.

— Кого я вижу! — Плотный бровастый человек с расплоскнутыми объятиями устремился навстречу гостю. Гость выдавил из себя улыбку и продолжал улыбаться, пока его плечи сжимали начальственные руки. От благородного¹ Нуммы пахло кожей, дымом и слегка — кипарисовой водой для бритья. Прокуратор честно выслужил свою должность, пройдя и юг, и север, и всё же было, было в нынешнем хозяине Отрамы что-то от толстого вольноотпущенника. Эта нарочитая радость от приезда в его — *его* провинцию наследника Спентадов, эта торопливость, смешанная с ненавистной Титу фамильярностью...

— Я — младший трибун Тит Спентад, — чётко доложил молодой человек. — Прибыл в распоряжение прокуратора Отрамы. Воля Сената.

— Спентады могут быть лишь в распоряжении Стурна! — усмехнулся рекомый прокуратор, и Тит вспомнил, что отец подозревал Нумму в доносе на старшего Ферта́ра. Впрочем, заговор существовал на самом деле — на редкость глупый, к слову сказать.

— Прокуратор прав — мой дом служит Стурну и порфиросному Агриппе, но сейчас я в распоряжении прокуратора. Готов отправиться в самую захолустную из крепостей под начало грубейшего из комендантов.

— Второе — к твоим услугам, первое — нет. — Нумма пригласил роскошные, с проседью кудри, и Тит не к месту вспомнил, что Спентады к сорока становятся лысыми, как

¹ Благородный — в Стурнийской империи титул, означающий принадлежность к одному из 329 семейств, ведущих свой род от легендарного вождя людей Идакла и его братьев.

колени. Самому Титу, впрочем, было лишь двадцать четыре. — Я пошлю тебя в Скадарию. Тебе что-то говорит это название?

— Крепость. Защищает самый удобный из бродов через Перонт. Заложена сто десять лет назад, в начале нынешнего правления перестроена. Работы окончены в 893 году.

— Узнаю школу Тита Спентада-старшего. — Прокуратор гостеприимно кивнул на накрытый возле окна стол. — Скадария — хорошая крепость. Настолько, насколько восточная крепость вообще может быть хороша... Это вино тебе должно быть памятно. Не могу отказать себе в маленьких удовольствиях, разумеется, в счёт жалованья, тем паче больших удовольствий здесь не найдёшь. Театры, карнавалы и бега остались в Стурне.

— Я знаю, — улыбнулся в ответ на намёк Тит и отпил. Нумма был неприятен, но если хочешь усмирять врагов — начни с себя, а значит, к грифам неприязнь! — Я хотел бы услышать от прокуратора о коменданте.

— Я назначил его в Скадарию в конце весны. Приск груб и навязчив в той же степени, в какой предан и честен. Это не тот человек, с которым приятно обедать, но научить он может многому. Раньше он присматривал за Южным бродом. Засиделся. Император не любит, когда вояки пускают корни, и император трижды прав. Я не выявил в Южной ни недочётов, ни злоупотреблений и с чистой совестью отправил Приска в Скадарию, а его предшественника — в отставку. Ты так ничего и не сказал про вино.

— Оно выше любых похвал. — Тит не кривил душой, он в самом деле помнил и любил ниннейскую лозу. Любопытно, каким вином Нумма потчевал Фертара.

— Да, имей в виду, в Скадарии тебя ждут две неожиданности. Одной ты будешь доволен.

— Другой, видимо, нет?

— Трудно сказать, но твоё появление эту... м-м-м... неожиданность не обрадует точно. Боишься захмелеть? Приск разбавляет вино водой.

— Это варварство, прокуратор.

Стурнийские мозаики

— Совершенно верно, но Приск во многом — истинный варвар. Но хоть он и трезвенник, неразбавленное при нём можешь пить смело. Служака слишком плохо ладит с чернильницей, чтобы писать в Стурн, и слишком плохо ладит со мной, чтобы доносить лично, хотя...

Тит молчал, дожидаясь продолжения. Нумма пригубил вино и закончил:

— Хотя я не доношу Сенату о невинных шалостях тех, кто душой и телом предан императору. Да хранит его само Время!

* * *

Скадария встречала вернувшуюся конницу запахом луковой похлёбки, вылизанным двором и довольными — убил бы! — рожами. Стараясь не хмуриться, Приск слез с открытого степной пылью мерина и выслушал доклад. Столь же вылизанный, как и замощённый местным песчаником двор. Придраться было не к чему, хоть умри! Махнув добросовестному Сервию рукой, комендант залпом выпил услужливо поднесённую воду и, шагая через две ступеньки, поднялся на стену — думать. Он почти привык к Скадарии, но признать её лучшей крепостью степного рубежа мешали девять отданных Южной лет.

Приск понимал, что недавний перевод — повышение, причём скорее всего последнее в его карьере; отдавал он должное и проныре-прокуратору, не взевшемуся на настырного ветерана, но свежоотштукатуренные стены и просторные казармы нет-нет да и вызывали ревность. Крепость приводили в порядок без участия Приска, зато стремительный бросок за реку был уже на его счету. Все прошло безупречно! Можно садиться и кропать донесение о том, что жизнь и имущество граждан священного Стурна под надёжной защитой, и спрашивать наградные. Дадут. Погладят по шлему и дадут. За Нуммой не заржавеет — прокуратор превратит вылазку в великий поход и вытрясет из столичных чинуш корову для себя и курицу — для Скадарии, а большего от начальства

не добьёшься. Уж в этом-то Приск, отрубивший под «пчёлками» без малого тридцать лет, убеждался не раз. Небёц ушастый, отличная крепость и сносный прокуратор — что ещё нужно, чтобы дотянуть до отставки?

Комендант топнул ногой в тяжёлом, подбитом гвоздями сапоге, шумно втянул воздух и для успокоения уставился на молочную от глины реку. Надо радоваться, радоваться, а не беситься! Гарнизон не подкачал. Не прошло и получаса, как в крепостные ворота заколотил взъерошенный племянник скототорговца, а Приск уже выводил своих всадников. След взяли сразу — скераты и не думали хитрить, а коровы ещё не выучились порхать. Шесть часов погони, короткая схватка, медленное — со стадом не побегаешь — возвращение...

Ночью степняки попытались вырезать спящих «пахарей» и вернуть добычу, только «спящие» не спали. Разбойники угодили в ловушку и теперь отправятся в каменоломни, так что империя оказалась пусть и в невеликих, но барышах. Двое легкораненых и одна захромавшая лошадь — это даже не потери, только вот избегавшие даже приближаться к Перонту скераты не просто перешли его по низкой воде, но забрались на два дневных перехода от границы! И ведь докладывал же, что у Кривой косы нужен постоянный пост, куда там! Вот тебе, старый дурак, твоя крепость, вот тебе твой брод, вот тебе твой гарнизон и не лезь, куда не просят! Он не полез — полезли лохмачи. Хорошо, наглецы охотились за скотом, а не за головами граждан хранимой Временем империи. Плохо, что Стурн переваливает на Время то, что следует делать самим, а в Скадарии втрое меньше солдат, чем нужно, чтобы повесить на границу хороший замок.

«Пока варвары пугают детей великим Октавианом, на востоке не случится ничего страшнее угнанных коров...» «Держать за Перонтом многочисленную кавалерию — излишняя роскошь...» «Лошади жрут даже больше городского сброда, а добывать золото из навоза в казначействе не умеют...» Тьфу, уроды столичные!

— Уроды! — от души рывкнул Приск и потёр разнышующую к вечеру спину. Ветеран всегда успокаивался, поняв,

Стурнийские мозаики

где в сапоге гвоздь, а сейчас он как раз это понял. Скераты! Косматые мерзавцы держались нагло даже в сравнении с прошлой осенью. Они и раньше-то мало походили на с детства запуганных страшным соседским императором, а уж теперь!

Жаль, Октавиан уже восемнадцать лет как обосновался в фамильной усыпальнице. Нынешний Агриппа воздвигает в честь отцовских побед арки и колонны, но кормить предпочитает не армию, а столичных бездельников. Можно подумать, мухи заменят пчёл, а охочая до дармовщины шелупонь сумеет отбиться хотя б от лохмачей, не говоря о северных здоровилах и чующих падаль «грифах». Великий Стурн начинает смердеть, и что с того, что благородный Нумма сдохнет сенатором, а Приск выйдет в отставку, купит виноградник и доживёт оставшиеся годы по-человечески? Что с того, что комендант Скадарии чует вонь, если в Сенате обнюхались померанцев?!

— Доклад коменданту.

— Ну?

— В распоряжение коменданта прибыл новый офицер. Ждёт во дворе.

— Кто таков?

— Младший трибун Тит Спентад.

Небец ушастый, только второго «благородного» в Скадарии и не хватало!

* * *

Грубого коменданта пришлось дожидаться дольше, чем прокуратора. Гарнизонные штучки, о них Тит был наслышан. Провинция не любит столицу, а провинциалы не переносят столичных цац. Провинция, столица, благородные, сброд... Как вспомнишь, что смахнувшие с лица земли великие царства козопасы и коняги собирались владеть миром всей толпой и при этом друг друга любить! Теперь это даже не смешно... Спентад решительно подавил зевок и неторопливо зашагал вокруг двора. Он не собирался за-

Имя им — легион. Часть первая

искивать, но и начинать знакомство со свары не хотелось. Три года унижительной мелочной войны с одуревшими от безделья провинциалами стали бы ещё тем удовольствием.

В том, что на него таращатся из всех щелей, младший трибун не сомневался, но вертеть головой, выискивая любопытных? Он не ворона, а комендант когда-нибудь да объявится. Отец ждал своего «приска» четверть часа, но с тех пор приграничники стали ещё раннее. Чем больше Сенат урезаёт армейские расходы, тем сильнее задираются в дальних гарнизонах, хотя Спентады уже лет шесть выступают против сокращений. Солдаты предпочтительней горлопанов, которых надо не только кормить, но и забавлять...

— Кого я вижу! — Рёв раздался за спиной, облетел вокруг двора, отразился от опрятно унылых стен и устремился к выцветшим небесам. — Чтоб я сдох, благородный Тит! В нашем стойле!..

— Медант! Ты?!

— А то нет?! — Обещанная прокуратором ворона неожиданно залихватски подмигнула. — Значит, к нам?

— Значит, к вам. — Тит обнялся с кентавром, напроочь забыв, что на них смотрят. Завсегдатай бегов, он не только не чурался конюшен и их обитателей, но и ездил сам. Пока император не запретил благородным участвовать в состязаниях, ибо сделанные плебеями ставки низводят знатнейших граждан до уровня полускотов. Никогда ещё младший Спентад не был столь близок к государственной измене, но тут подвернулась капризница Фагния... Вернее, её «подвернул» отец, и Тит немного остыл.

— Тут смешно, — обнадёжил Медант. — Как там Стурн? Плещется?

— Что ему делается? Слушай, тебя-то как сюда занесло? Про возникшего твоего слышал, так ему и надо, ублюдку!..

— А что ты слышал? — оживился кентавр, и прежде не чуждый тщеславия. — Представляю, что тебе наболтали...

Стурнийские мозаики

Болтали и впрямь много, но Тит слишком рано поднялся в беговую повозку¹, чтобы верить ерунде. Все было просто и очевидно. Доставшийся Меданту возничий, считая, и не без оснований, «своего» кентавра существом строптивым и неблагонадёжным, решил его поторопить, ткнув длинным острым стрекалом в человеческую часть спины. Не ожидавший такого коварства Медант потерял равновесие и сбился с рыси, лишившись тем самым победы. Что хуже всего, стрекало сломалось, и обломок застрял под кожей, причиняя кентавру сильную боль. Медант вскинулся на дыбы, опрокинул повозку, сломав оглобли, и от души взрезал по обидчику обеими задними ногами.

Покойный, конечно, был дураком, но слава убийцы закрыла для Меданта путь на беговую арену. Нет, ему не запретили выступать, императорский попечитель даже признал его невиновным, но желающих связываться со столь опасным конягой среди заполонивших ипподром плебеев не находилось, и норы Меданта, и раньше непростой, испортился окончательно. Свой хлеб, то есть кашу, кентавр честно зарабатывал ковкой — о, в этом ему не было равных! — в остальное же время пил как лошадь, затевал драки с себе подобными и приставал к хвостатым девчонкам, а потом исчез. Завсегдатаи бегов решили, что бесполезного задиру кто-то наконец прикончил и с попустительства попечителя замёл

¹ *Беговой повозкой* управляют следующим образом: первая пара широких вожжей, служащая для поддержки возничего, крепится за массивные кольца, ввинченные в седелку. Седелка подругой фиксируется на спине кентавра, а боковыми ремнями прикручивается к оглоблям экипажа. Концы оглобель приблизительно на локоть выступают впереди корпуса кентавра и оканчиваются вертикальными «рычажками», дабы кентавр мог опираться на них руками для улучшения баланса (бежать быстрой рысью, не сбиваясь на галоп, нелегко). Вторая пара вожжей, идущая от рук возничего через седельные кольца, крепится к ремённому кольцу за руку кентавра чуть повыше локтевого сгиба. Через эти вожжи возничий может подавать кентавру сигналы (вправо — влево, потише — порезвее, остановиться). Пользоваться бичом не только бессмысленно, но и опасно. Тем не менее некоторые возничие иногда хлещут своих «партнёров», особенно достаётся молодёжи и «кобылам».

Имя им — легион. Часть первая

следы. А Медант, выходит, подался на границу. Лучший беговой кентавр стал простецким армейским конягой! В Стурне это наделает шуму. Наделало бы... Тит залихватски махнул рукой:

— Сплетни я на трезвую голову не пересказываю, давай после... Явится же когда-нибудь этот комендант.

— Не «когда-нибудь», а сейчас!

Медант легонько — устоять на ногах удалось почти без усилий — хлопнул бывшего возничего по плечу, в несколько прыжков преодолел двор и грохнул коваными передними копытами в сигнальный гонг. Тит не выдержал и расхохотался — служба в Скадарии начиналась, мягко говоря, своеобразно.

* * *

Молодчик трепался с Медантом, словно знал конягу сто лет, высыпавшие во двор солдаты весело переглядывались, а растерянный сигнальщик переминался с ноги на ногу, глядя то на свои колотушки, то на дверь, из которой, по его мнению, должно было появиться начальство. Приск подавил невольную усмешку: Медант был незаменим за Перонтом, но от его выходов за тысячу шагов несло столичной дурью. Впрочем, коняга хотя бы не гадил где попало, как его предшественник. Комендант без особой спешки раздвинул утративших бдительность балбесов и резко спросил:

— Что это значит?

— Что вам в бóшки набилась солома! — отрезал Медант. — Кого ждать заставили? Хорошего человека, ездока!.. Скоро меня с мулом спутаете. Провинция...

— Доклад коменданту. — Спентад не собирался прятаться за кентавра. — Младший трибун Тит. Определён в Скадарию прокуратором Нуммой. Военного опыта не имею. Владею мечом, копьём и пращой. Езжу верхом.

— Врежет, мало не покажется, — Медант был откровенно доволен, — хоть мечом, хоть чем. Было у нас на бегах дельце...

Стурнийские мозаики

— Имею некоторый опыт уличных схваток, — спокойно уточнил новичок. Эх, не уродился б он Спентадом...

— Тит, значит? Отцовское имя забыл?

— Мой отец остался в Стурне. Я увижу его через три года.

— Хочешь сказать, что явился не за подорожной к «гриффам»?

— Я её получу через три года.

— Получишь, потому что ты — благородный. Получишь и уберёшься, а вот он, — Приск кивком указал на Сервия, — будет вялиться здесь. Вы прыгаете, мы тянем, и нечего чистить драные сапоги!

— Комендант прав, — Спентад все ещё был само спокойствие, — драные сапоги надо выкидывать. Я знаю, какое место займу, если меня не убьют на юге или на севере. Вы уже уйдёте в отставку, но комендант Скадарии, новый комендант, вряд ли обрадуется, если у него отберут даже ту кавалерию, что есть у вас. Он сможет только жаловаться и браниться, а я буду спорить. С Сенатом и императором, но для этого мне нужно забраться наверх. Ваш помощник этого не может, я — могу.

— Он залезет! — подтвердил Медант, хотя его никто не спрашивал.

Приск сощурился, он не собирался сдаваться.

— Ты пока не в Сенате, — отрезал комендант, — а в моей крепости. Посмотрим, что ты за птица... Кукарекать один тут уже кукарекает, а ты полетай!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1104 год Счастливой Эры

I

Приск любил те короткие недели, в которые глаз отдыхает и от зимней серятины, и от летней сухой желтизны, только в нынешнем году было не до цветочков. Долгожданная весна принесла те самые пакости, что ветеран пророчил начальству и подчинённым уже лет пятнадцать.

Первыми вестниками грядущих бед стали промышлявшие за Перонтом торговцы. С их слов получалось, что у скератов сменились вожди, и не просто сменились, а с большой кровью. Празднества, которыми лохмачи отмечают весенний солнцеворот, завершились резней, и теперь по приграничным становищам бродили слухи один гаже другого. Напуганные этими слухами купцы не рисковали забираться далеко в степь, так что толку от их рассказней было мало.

Не на шутку встревожившийся Приск отрядил за реку три десятка разведчиков. Соседство есть соседство — у стурнийцев за Перонтом водились и знакомцы, и торговые партнёры, и даже друзья. Ну, или почти друзья... От них комендант и надеялся получить объяснения. Надежды оправдались в полной мере, только веселей от этого не стало — новости отчётливо отдавали войной.

Стурнийские мозаики

Купцы не вдали — встреча Весны в самом деле обернулась бойней. Семь племён, из тех, что кочуют вдоль стурнийской границы, как водится, стянулись к священным курганам. Туда же явились трое почётных гостей из «дальних», каждый с изрядным отрядом. Неделя скачек, состязаний, молитв с жертвоприношениями — и всеобщая пьянка, завершившаяся убийством большинства родовых старейшин и пяти вождей из семи.

Весенние драки между перепившимися степняками были делом привычным, но здесь по всему выходило, что резня — не случайность. Её готовили загодя, и оба уцелевших явно участвовали в заговоре. Да и гости, хоть и не ввязались в это безобразие сами, новых вождей немедленно поддерживали. Все это наводило на нехорошие мысли. Настолько нехорошие, что Приск решился на то, чего никогда раньше не делал и делать не желал. Запечатав должным образом составленное донесение, комендант тщательнейшим образом занёс на покрытую воском дощечку то, что требовалось внушить начальству, и послал солдата за прокураторским дружком.

Спентад, надо отдать ему должное, нашёлся сразу — гонял во дворе своих пехотинцев. От службы парень не отлынивал, нос особо не задирал, а цапался все больше со своим же, столичным... Вот уж кого Приск мечтал сплавить если не лохмачам, то хотя бы в другую крепость. Увы, Аппия Фертара приписали к Скадарии пожизненно и, небез сожри сенаторские штучки, в офицерском чине.

— Младший трибун Тит. Приказ коменданта.

— Садись. — Будь вина Тита лишь в рождении на берегах отца-Стурна, комендант простил бы паршивца ещё прошлой зимой, но сенаторское отродье... Это для Приска было слишком. И именно это давало шанс пробить медный начальственный лоб. Ветеран отодвинул табличку-подсказку так, чтобы привыкшие к заречным далям глаза разбирали буквы. — Тут вот какое дело...

Объяснять пришлось долго — от выходящих за пределы обязанностей младшего трибуна дел комендант отпихивал

умника сам. Как оказалось, себе же во вред. Горло пересохло, Приск хлебнул водицы и поднял взгляд от исписанного воска. Сенаторский сынок сосредоточенно хмурил брови, думал, надо полагать.

— Говори, — разрешил ветеран и закашлялся.

— Говорю. Комендант подтвердил возникшие у меня опасения. Медант много знает о скератах. Кроме того, я расспрашивал торговцев и сравнивал с тем, о чем читал. Степной молодняк всегда был горяч и жаден до грабежа, но теперь он ещё и уверен в себе. Урок, преподанный Октавианом, их больше не пугает — это было давно и не с ними. Новым царькам надо укреплять свою власть. Думаю, они сделают это привычным способом — поведут своих головорезов на наши земли.

Да, башка кое у кого на месте, чего доброго, в самом деле в прокураторы выбьется! В солдатские прокураторы, не в сенатские, но пока что в Отраме жирует Нумма, а за Перонтом набивают колчаны семь племён, а то и все десять!.. Если орава двинется разом, прокуратор запросит помощи, и помощь будет, при такой-то напасти как не прислать, только её ещё надо дожидаться. И потом, легионы не лютики, сами не вырастут. Появятся у Перонта, значит — откуда-то уйдут...

— Надежды на то, что новоявленные царьки передерутся, немного, — напомнил о себе Спентад. Он думал о чем-то похожем.

— «Немного»! — передразнил Приск. — Небец ушастый, да нет никакой надежды! Слишком дружно ублюдки повернули своё дельце, видать, всю зиму готовились, должны были сговориться и о том, что дальше делать. Да ещё эти их родичи... Ох, не зря они заявили! Воняет нынче степь, и воняет «грифами». Только вонь в мешок не сунешь и прокуратору не доставишь...

— Я доставлю, — не дожидаясь то ли просьбы, то ли приказа, произнёс Тит. Парень все понял, и понял, залягай его коняга, правильно! — Доставлю, и Нумма отправит её дальше. Императору и Сенату. Сколько у меня времени?

Стурнийские мозаики

* * *

Лишь Время Всемогущее знало, сколько оно отпустило Приску, но комендант мог гордиться — впустую не пропало ни единого часа. Въехав на показавшийся родным крепостной двор, Тит понял: все, что можно сделать, сделано, а уж чего нельзя... Хотелось бы, конечно, поднять стены хотя бы на длину копья, да чтоб запас смолы стал раза в три побольше... И метательных машин бы ещё, и вторую когорту в казармы — как раз разместилась бы. Увы, это было за пределами возможностей паршивого коменданта ненужной крепости. Тут уж чем Сенат с императором обеспечили, с тем и войой.

Приск и готовился воевать, и не он один: вести поступали со всей границы, и были они хуже не придумаешь, так что уговаривать Нумму не пришлось. Прокуратор головы под крыло не прятал, к угрозе относился всерьёз, но прокураторским беспокойством дыры не заткнёшь. По крайней мере сразу.

— Нумма обеспокоен. — Тит не выдержал, злобненько усмехнулся. — Нумма *крайне* обеспокоен. Войска провинции спешно стягиваются, ну или должны стягиваться, к Отраме. Приграничным гарнизонам именем императора велено стоять до последнего, сдерживая продвижение варваров, а помощь будет. Это прокуратор обещал твёрдо.

Прокуратор не просто обещал, он клялся, призывая в свидетели собственного отца, отца Тита, порфиросного Агришпу и само Время со чада и домочадцы, вздыхал, сетовал и уговаривал, уговаривал, уговаривал остаться при своей особе. Не навсегда, а лишь пока не сползутся «черепахи»¹, после чего взгромоздиться на самую белую и отправиться... нет, не выручать своих — очищать Отраму.

В последнем Нумма был прав: кочевникам нужны не взятые крепости, а добыча. Они не задержатся на границе, а рванут в глубь провинции, откуда их и придётся гнать,

¹ Черепахами в стурнийской армии называют легионы.

а гарнизоны — это уж когда руки дойдут или дальние легионы подтянутся. Нумма опускал глаза и отводил на подтягивание месяц. В лучшем случае, а в худшем... В худшем спасители провозятся до середины лета и успеют разве что всплакнуть на погребальных курганах, в которые превратятся «столь дорого обходящиеся империи крепости».

— Прокуратор не знает, когда подойдут подкрепления, — уточнил Тит, — но он не пытается врать. Это хороший признак — о нас не «забудут».

Приск махнул рукой, и Тит ушёл, так и не сказав, что его удерживали в Отраме. Может, удивись комендант возвращению столичного молодчика, молодчик бы и не выдержал, но ветеран лишь выразил удовлетворение скоростью, с которой пришёл ответ. Потавивший едва отдышавшегося приятеля в степь Медант выразил кое-что другое, и выражал долго. Тит слушал вполуха, привычно вынуждая коня на полкорпуса опережать бушующего кентавра. Если б не сухой ветер и не тень «грифа» над утратившей былую прыть империей, можно было вообразить себя дома на прогулке.

Сколько раз наследник Спентадов и кентавр, обсуждая ставки и забеги, перемывали кости двуногим и четвероногим! Медант тогда любил выпить и подраться, возникших считал за дерьмо, но бегал хорошо. Если зачесется правая задняя нога... А чесалась она постоянно, так как созерцать впереди себя чужой хвост строптивец не мог. Себя, столичного, Тит помнил хуже, то есть не помнил, а понимал. Неужели это он орал, что императора за запрет на участие в бегах надо гнать? А что делать с императором, повернувшимся спиной к отравившей когти степи? С императором, строящим цирки и триумфальные арки за счёт роспуска легионов?

— Медант, — зачем-то окликнул Тит, — что нам делать? Что нам теперь делать?

Кентавр остановился, и человек натянул поводья. Он не ждал никаких откровений. Вопрос был глупым и беспомощным, а ответ единственным — драться. Там, где застигла беда, и пока хватает сил. Границы Стурна священны, но это — для Сената, а на деле, если что и вправду свято, так

Стурнийские мозаики

это жизни дурней, которых угораздило поселиться вблизи беды, и твоё слово защитит их. То есть не только твоё, много ты один назащищаешь...

— Что делать, говоришь? — Лапища Меданта растрепала лошадиную гриву, и не терпевший кентавров жеребец прижал уши. — Почему бы нам вечерком не выпить и не пристукнуть Фертара? Некоторые пасти перед войной лучше заткнуть, а завтра... Ты как хочешь, а я пробегусь за реку. Разъезды разъездами, а самому глянуть не помешает.

II

Война стала явью утром. Славным весенним утром, когда по небу бегут розовые облака, пахнет расцветающими травами и ты не ждёшь, не можешь ждать ничего дурного. Никто и не ждал, пока из зелёного, сбрызнутого маковой кровью моря не вынырнула тёмная фигура и неповторимой, знакомой всем завсегдатаям бегов рысью полетела к броду.

— Скераты идут! — крикнул Тит стоявшему парой ступеней ниже Сервию, не дожидаясь, когда вороная буря ворвётся во двор.

— Идут... — подтвердил спустя четверть часа Медант, поводя блестящими от пота боками. — К нам — тысяча семь, не меньше. Остальные — кто куда, но всё больше вниз по течению. «Наши» к вечеру будут здесь, а их дозоры — и того раньше...

— Значит, — припомнил Тит пророчества Нуммы, — будут переходить Перонт вплавь и в разных местах.

— Часть отправится грабить, часть останется брать крепость. — Первый помощник коменданта говорил о скератах, как о паводке, озабоченно, но не больше. — Броды и переправы им нужны позарез. Вozy с добычей и рабов иначе не уведёшь.

— Да, без добычи набег и потери станут бессмысленными. — Тит очень надеялся, что его голос столь же будничен,

как у Сервия. — Что ж, если отправлять гонца в Отраму, надо поторопиться.

Он не собирался советовать подоспевшему коменданту, просто так вышло, но Приск то ли не расслышал, то ли...

— Поедешь?

— Нет. — Спентад уверенно выдержал цепкий взгляд. — Я сказал прокуратору все. Мне нечего добавить.

— И мне нечего. — Комендант потёр лоб и вдруг усмехнулся: — Разве что передать: если Скадарию кончат, я, дохлый, не к лохмачам заявлюсь и не к Нумме, а повыше. Чтоб других так же...

Каких «других», Приск не уточнил. То ли слов не нашёл, то ли, наоборот, счёл, что сказал все. Тит с молчаливого согласия начальства торопливо набросал короткое донесение. Время, место, примерное число идущих варваров, напоминание о том, что Скадария располагает едва ли половиной требуемых для обороны солдат, — и все. Гарнизон не клялся в верности императору и Сенату и не обещал достойных Октавиана побед. Впрочем, не спешил и с завещаниями: крепость могла выстоять, а помощь — успеть.

— Медант, — теперь Приск смотрел на кентавра, — ты Мезия встретил?

— Ночью разбежались. Мезий лохмачей на самом хвосте притащит. Часа через два.

— Как бы не зарвался, — высказал Сервий то, о чем Тит из суеверия промолчал.

— Не зарвётся! — отрезал Приск. Боится накликать или просто верит десятнику? — Медант, ты как? С ног не валишься?

— С этакой прогулочкой?! Да я даже не разогрелся, Тит, скажи ему, как...

— Отлично. — Слушать о Медантовых беговых триумфах Приск не собирался. — На стенах тебе делать нечего, во дворе — тем более. Доставишь в Отраму донесение и будь здоров. Назад лезть не вздумай — лишние копыта мне тут не нужны, а Стурну и тебе, глядишь, пригодятся.

Стурнийские мозаики

— А то! — Кентавр быстро глянул на передние ноги. Он всегда так делал, собираясь бежать. — Ещё встретимся. Не тут, так там, где нет Времени...

* * *

В степи видно далеко, особенно с холма или башни. Какое-то время Тит, стоя меж зубцов, следил за гонцом, мчавшимся пустой — ни купцов, ни крестьян — дорогой; потом ставший точкой кентавр растворился в солнечном блеске, а человек прошёл по стенам в сторону реки и стал ждать.

Медант не ошибся: когда через брод промчался стурнийский разъезд, полдень ещё не наступил. Варвары отстали ненамного. Чуть более сотни всадников на разномастных невысоких лошадях остановились на дальнем берегу. Полюбовались оседлавшей приречный холм крепостью и опустевшим посёлком, погалдели и двинулись берегом в обе стороны, вверх и вниз по течению. Против Скадарии осталось десятка три, эти вели себя тихо: постояли чуток на пригорке, потом развернулись и неспешной рысью убрались.

— Именно так смотрели титаны со стен Нинней, когда к ним подступали полчища Идакла. И точно так же...

Апший Фертар! Явился... Порой Тит сыну заговорщика сочувствовал. Как столичная цаца столичной цаце и как будущий прокуратор безвредному болтуну, но сегодня Фертар откровенно бесил. Всем: напористым голосом поэта, запахом померанцевой воды, двумя родинками, кольцом с дурацкой загогулиной, которую величал Небесной спиралью... Даже заговори поэт о погоде, и то Титу захотелось бы его придушить, но Фертар, пользуясь случаем, излагал своё, то есть отцовское, мнение о том, как обустроить всё. Не обошлось и без пророчеств грядущих бедствий и обвинений в оных ненавистного Идакла со всеми его отродьями, к которым до недавнего времени относили себя и Фертары. Пока с «грифьей» помощью не решили, что быть «благородными» не так вкусно, как потомками бессмертных. Един-

ственными. Над ними ржал весь Стурн, а они не только завели фавнов, но и готовили заговор, не соображая, что это...

— ...безнадёжно и преступно. Мы видим начало конца, и ваше счастье, счастье нерассуждающих вьючных ослов, что вы издохнете раньше изжившей себя империи. Будь у вашего Сената хоть капля разума, вы бы оставили степи тем, кому они были дарованы Небом...

— Будь у нашего Сената хоть капля разума, тебя бы приписали не к гарнизону, а к лупанару! — Влезать в спор с сосланным придурком было не ко времени, а бить офицера — любого! — на глазах солдат нельзя, как бы ни хотелось. Спентад сжал чесавшиеся кулаки и отправился проверять своих людей.

Время, только что нёсшееся горным потоком, тянулось застывающей смолой. Спентад спускался во двор, вновь поднимался на стены, шутил с солдатами, переговаривался с офицерами, даже что-то съел. Очередной раз столкнулся с Приском, пошёл рядом. Комендант не возражал. В парадном, заколотом фибулой-Ульем плаще и шлеме с гребнем конского волоса ветеран казался ходячей мозаикой со столь любимых императором триумфальных ворот, только в честь Скадарии ещё ничего не воздвигли.

— Что смеёшься? — После появления скератов, а вернее, после отказа Тита уехать комендант словно бы выплюнул проглоченное копьё.

— Представил, как в нашу честь строят триумфальную арку, — признался Тит. — С мозаиками.

— Лучше пусть крепость отстроят, — не понял шутки Приск, — и надо б ещё одну... На левой излучине или у Кривой косы. Станешь прокуратором, не забудь.

— Приказ коменданта.

Всё-таки Приск улыбнулся. И занялся делами, словно за Перонтом собирались на свою ярмарку торговцы скотом. Время ползло, степь по-прежнему была пустынна и по-весеннему красива, только взгляд этой красоты больше не замечал. Глянешь со стены: «Нет ещё», и снова о своём — так, часовые на местах, ворота — на запоре, укравшихся в кре-

Стурнийские мозаики

пости местных, из тех, что не захотели убраться, разместили и пристроили к делу. Бегаешь, проверяешь, а на дворе и за стенами — тишина и покой. Странное чувство. Похоже на последние минуты перед бегами, только более остро и невыносимо долго.

...Медант и второй раз угадал: солнце ещё не коснулось своим краем земли, как равнина зашевелилась. Сразу с нескольких направлений к Перонту потянулись плетённые из людей и коней цепочки, они на глазах толстели, превращаясь в длинные неровные колонны, а впереди катился нарастающий неприятный шум. Вот первая тысяча достигла реки, вот первые лошади взбаламутили воду. Визгливые крики, перебранка сигнальных рожков, ржание... Тишина ушла, и вместе с ней — травившее душу ожидание. Все стало просто и... светло, что ли.

Свершилось. Вот он, враг. Явился. Теперь будем драться и, если не повезёт, умирать. Дело, как ни смешно, обычное... Важное, главное для тебя, для тех, кто с тобой, но обычное.

— Дело вообще-то обычное, — вслух произнёс Тит, проливавший кровь разве что на охоте, ну и пару раз в драках с грабителями.

Приск согласно кивнул и поправил надраенный до звёздного блеска шлем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Безносый скерат оказался совсем лёгкой добычей: неуклюжий замах, корявая палица ещё не начала опускаться, а меч Тита уже вонзался дикарю в живот. Больше впереди живых врагов не было, и младший трибун поспешил обернуться. Как раз вовремя — прикрывавший командиру спину десятник в запале боя сделал глупость: отшагнул к краю стены как раз между зубцами и тотчас поймал в правое плечо стрелу — степные лучники только и ждали такой удачи. Тяжёлый ланг¹ вывалился из раненой руки, пара наседавших на ветерана лохмачей тут же кинулась добивать. Топор первого десятник успел принять на щит, а второй точно бы выпустил бедняге кишки, но тут уж вмешался Спентад. Лохмач с разрубленной башкой полетел во внутренний двор. Приятель покойного боя не принял. Вонючке повезло: совсем рядом вгрызались в камень осадные крючья. Бросив осевшего на камни стурнийца, степняк крысой метнулся к спасительной верёвке и, вцепившись в неё, скользнул вниз. Кожу на ладонях стесал, но голову, похоже, спас.

Не утерпев, Тит прикрылся щитом и глянул меж зубцов: скераты отходили — уцелевшие, те, кто успел спуститься

¹ Ланг — длинный однолезвийный меч.

Стурнийские мозаики

или не успел подняться, торопливо откатывались от недобрых рыже-серых стен. Доставлявшие чуть ли не больше всех хлопот лучники убирались вместе со всеми. Следом за здоровыми ползли или ковыляли раненые. Скадария снова отбилась.

Напряжение боя ушло, уступая место боли. Только что исправно служившее тело заныло и зажаловалось сразу в нескольких местах: правое плечо и бок, левая рука, голень, по которой успел пнуть тот, с жёлтой лентой в бороде... Голова тоже гудела, пусть не сильно, но надоедливо, хотя кто и когда успел приложить его по шлему, Тит не помнил — желающих было хоть отбавляй.

Где-то слева хлопнула тетива. Хромавший за своими скерат выпустил копьё, на которое опирался, и покатился вниз по склону. Со стрелой под лопаткой. Больше со стен не били — запас стрел и так уменьшался слишком быстро, изводить его на покалеченных врагов было глупо, чтобы не сказать больше. Подранки — не угроза для осаждённых, а обуза для осаждающих, в крепости же хватает своих дел, невесёлых, но необходимых.

Тит вытер меч об овчину на спине ближайшего трупа, осмотрел клинок и вложил в ножны, а на стену уже взбирались определённые Приском разбирать раненых и мёртвых поселяне. Своих раненых — в барак к паре измотанных лекарей, убитых — в отведённый для могил угол за конюшнями; ну а степнякам одна дорога — на надречную стену и вниз, под обрыв. Спентад посторонился, пропуская носильщиков, и принялся растирать занемевший локоть. Рухнуть бы прямо тут, на грязные камни, да какое там! Второй помощник коменданта — как же быстро наступают должности на войне! — должен обойти свою стену, выслушать доклады, понять их, как бы ни звенело в этой треклятой башке, и доложить «самому». И чем быстрее это сделать, тем лучше, значит, нужно идти. Три сотни шагов и две лестницы... Время Всемогущее, как же это много!

* * *

Этот штурм обошёлся куда дороже предыдущих. В первый раз скераты лишь пробовали Скадарию на зуб, проверяя, не струсят ли защитники от одного воя и визга. Не струсили, а несколько десятков удалцов, среди бела дня вздумавших забраться в крепость с помощью арканов, удалось положить полностью и без серьёзных потерь.

Лохмачи подумали и решили проверить, не спят ли стурнийцы по ночам беспробудно, как сурки; дождались темноты и полезли на стену по обрыву, со стороны реки. Выдрессированные часовые не подвели — короткая схватка, и ублюдки отправились напрямик к своим рогатым божкам. Вот тогда-то скераты и взялись за дело как следует. Два дня готовились, на третий вооружились лестницами и верёвками с крючьями и попёрли. Приступ отбили, а за конюшнями у западной стены появились первые могилы. Первые, но не последние. Большинство погибало от стрел, которыми привычные к луку степняки осыпали любого хоть на миг высунувшегося из-под прикрытия стен. Зато в рукопашных схватках наверху преимущество оставалось за стурнийцами. Второй штурм, третий, четвёртый... Сегодня нападавшие были особенно настырны. Трижды вожаки гнали толпу на стены, и трижды она убиралась ни с чем, хотя какое там «ни с чем»! Гарнизон таял, как весенний лёд.

— Восточная стена, — отрывисто доложил измотанный Спентад. — Семнадцать убито, сорок два ранено, из них серьёзно — десятка три. Остальные будут завтра драться.

Приск только сплюнул с досады: из двух державших восточную стену сотен в строю осталось едва ли две трети, а судя по физиономии явившегося с северной стены Сервия, там вряд ли веселее.

— Младший трибун Руфин поймал стрелу в горло, — подтвердил тот худшие опасения. — И ещё полтора десятка полегло...

Хвала Времени и тому, кто выбирал место для крепости, две стены из четырёх идут краем обрыва, и кочевники лезут

Стурнийские мозаики

только с востока и севера, но пара таких дней, и будет не закрыть и этого...

— Возьмёшь Фертара, — велел помощнику Приск. — Не Руфин, но...

— Приказ коменданта. — Пятнистая от копоты физиономия сморщилась, словно от кислотины. — Но Скадария отвечает за жизнь Аппия Фертара перед императором и Сенатом.

— Ну уж нет! — громыхнул Приск. — Скадария отвечает за брод! За брод, а не за столичн... Не за всяких придурков! Мне прислали офицера, а офицеру место на стенах. Пристрелят, и небец с ним. Туда и дорога.

Больше Сервий не возражал.

* * *

Поселяне очистили стену от трупов, а солдаты подтащили к камнеметам новый запас булыжников. Отстоявший над душой у подчинённых положенное Тит счёл, что честно заслужил ужин и сон, но намерения смертных лишь веселят дочерей Времени. Не успел младший трибун ополоснуть руки и лицо, как от лагеря скератов донёсся надсадный вой. Сигнальный рог выводил нечто особенно заунывное, словно ему тоже намяли бока. Тит с тоской глянул в сторону кашеваров и потянулся к снятому было нагруднику, но лучше знавшие степь ветераны закачали головами: ха, поговорить решили.

Может, и так, но отдых всё равно откладывался. Спентад накинул плащ и под повторный вой поплёлся к коменданту. Тот подтвердил: да, таким образом скераты сообщают о мирных намерениях. Тит тоскливо выругался. Словно в ответ, вновь загнусавил чужой рог, пришлось возвращаться на стену. Они поднялись как раз вовремя, чтобы увидеть, как от скопища шатров отъезжает десятка полтора всадников.

— Вчера и сегодня лохмачи потеряли много людей. — Приск смотрел не на приближающуюся кавалькаду, а на разрезающих небо стрижей. Словно считал. — Гибель воинов —

ослабление племени. Вождь мог додуматься до того, что класть своих и дальше ему невыгодно.

Стрижи летали, комендант молчал. Похоже, ждал ответа, и Тит ответил:

— По всей вероятности, они предложат нам...

— Либо сдаться им на, тьфу... милость, — а вот Сервий глядел на всадников, и только на всадников, — либо, если мы упрёмся, — отдать им Скадарию. В обмен на жизнь и свободу.

— Которые они тут же постараются забрать, — буркнул Приск. — Весны своей не побоялись, дедов на празднике перерезали, а уж «пахарей»...

— Это да... Нас одурачить им как конопли накуриться.

Скераты остановились на расстоянии двойного перестрела и опять протрубили. Комендант велел ответить обычным «Мир и покой», степняки поняли. Некто на мышастой лошади выехал вперёд и затряс копьём со светлым конским хвостом и красными лентами. Затем последовал вопль на стурнийском, корявом, но вполне понятном: отважный вождь, имени коего Тит не разобрал, желал говорить с главварём «пахарей». Проорав что положено, посол шустро развернул своего мышастика и галопом помчался назад. Приск с минуту подумал.

— Я к нему не выйду — решил он. — Глупо. Скадария на мне, а совести у этой образины — что пятачок у Меданта. Но ответить надо... Сервий, пойдёшь ты, как второй по рангу. Выслушай. Получится тянуть время, тяни, нам каждый день на вес золота; ну а если ответ нужен немедленно — сам понимаешь... Мы не сдадимся и не уйдём, пусть не надеются.

— Приказ коменданта, — подтвердил Сервий и принялся расправлять смятую тунуку.

Тит поморщился и в сотый раз повёл плечами. Избитое тело продолжало болеть, а желудок требовал хоть чего-то, но дух возобладал над плотью, или не дух, а спевшаяся с гордыней совесть. Спентад вскинул руку.

Стурнийские мозаики

— Слово для коменданта. Трибун Сервий опытен. Он может заменить выбывшего коменданта, я — нет. Зато на переговорах я могу заменить трибуна. Сказать «нет» легко.

— Так! — Приск свёл брови, Сервий потёр плечо точно так же, как сам Тит минутой раньше, и младшему трибуну стало почти смешно. — Так... Для Скадарии лучше всего отправить Фертара, но лохмачи стихов не оценят. С варварами и убийцами надо говорить по-варварски и с мечом в руке. Хорошо... прокуратор, пойдёшь ты.

* * *

От облитой лучами низкого солнца группы отделилось двое всадников. Проскакали с полсотни шагов, красиво вздыбили лошадей, спешили и, сверкая нашитыми на куртки бляхами, направились к крепости. Выезженные кони шли за хозяевами, словно их вели в поводу. Колчаны, луки и щиты смиренно висели у седел — похоже, вождь и его спутник оставили при себе лишь сабли да ножи.

— Видать, приспичило, — решил Сервий. — На стены лезть — не коров воровать.

— Да, — согласился Приск, — умирать никто не хочет, ни мы, ни они. Мезий, пойдёшь с младшим трибуном. По двое так по двое.

Скерыты не спешили и на лошадей не оглядывались. Надевший под не очищенный от крови панцирь свежую тунику Тит гадал, где степняки останоятся, а те всё шли. Осталась позади похожая на змею трещина, затем — доцветающий кустик. Два белых камня, ещё один куст... Всё. Встали.

— Разумно. — Нужно было что-то сказать, вот Тит и сказал. — Там их со стен не достать.

— Будут хвататься за сабли — врут и испытывают, — тихо напомнил Приск, — схватятся за поводья, бей не дожидаясь... Спешенный степняк — треть степняка.

— Я знаю.

А теперь вниз по верёвке. Вслед за изукрашенным шрамами Мезием. Уставшие руки с неохотой перебирают узлы,

но не открывать же ворота. Слезли. Сапоги утонули в ещё свежей траве, даже цветок попался. Жёлтый и маленький, а ведь цветёт...

— Я иду первым, — заявляет кавалерист. Тит не спорит, степь Мезий пока знает лучше, хотя угадать, как пойдёт разговор, столичный умник, пожалуй, возьмётся. Скераты не «грифы», они ещё не вкусили сладости политики — сладости игры змей со змеями, у них все просто и грубо, хотя это же у нас Приск груб... Зато Аппий Фертар — сама утончённость! Нужна она здесь, в захолустье, как Меданту рыбий хвост.

Ржёт лошадь, обычная, с обычным хвостом. Её хозяин свёл брови и задрал подбородок. Не стóбит принимать гордую позу перед теми, кто выше ростом, ох не стóбит! Кожа, бляшки, ленты, косицы, борода. Сколько лишнего... Лишнее на варварах, лишнее — на сенаторах, и только солдаты таскают на себе то, что нужно, и ни пёрышком больше.

— Ты не вождь «пахарей», — объявляет на стурнийском загорелый варвар. Если он и старше Тита, то на пару лет, не больше.

— Наш вождь там, где ему следует быть, но он услышит твоё слово.

— Ваш вождь труслив, как трусливы старики. Вы глупы, ходя за ним. Зачем? Вас мало, и каждый день бывает меньше. Пока все не умирили — уходите.

— Чтобы нас перестреляли в поле? — пожал плечами Тит. — Мы не дети, чтоб верить сказкам.

— Я не хочу обманывать. — Вождь смотрит прямо. Красная лента в бороде напоминает о крови. — Зачем мне обманывать? Я даю залог. Даю своего брата и коней везти раненых. Вас не будут загонять. Если захотим, договоримся. Отвечай — да. Сейчас отвечай.

Такие переговоры не затянуть. Лохмач молод, но не глуп, он не станет вертеть круг без точила, и он торопится: Скадария не должна помешать вывезти добычу, а добыча будет у брода уже скоро.

Стурнийские мозаики

— Не можешь решить сам, иди назад. Быстро. Пусть решит старый вождь, но решит, пока солнце здесь.

— Нет. — Вот так, спокойно и коротко, но скерат не договорил. Он готовился, он думал... Начал с обещаний, теперь в ход пойдут угрозы.

— Завтра снова будем вас убивать. — Светлые наглые глаза, светлые лохмы, прямой нос... Не зверь, не урод даже в своих лентах. Обрей и отмой — будет человек как человек...

— Ты не отвечаешь, пахарь.

— Я слушаю.

— Слушай. Завтра я снова буду давать вам жизнь, но свободы уже не дам. Снова будете глупыми — все на своём холме сдохнете.

— Время решит, кому сдохнуть раньше.

— Я — Артайт, сын Банурта. Я возьму вашу крепость и перережу глотку вашему трусливому вождю, как барану. Я выгоню из-за стен глупых «пахарей» и запрягу в телеги. Я...

Значит, Артайт... Тит зевнул. Это было оскорблением, хоть и случайным — младший трибун в самом деле устал до невозможности.

— Запряжёшь? — Дипломатии здесь места нет, но и площадной перебранки не будет. — Лучше выпей Перонт. Это проще.

Стоявший за плечом Мезий одобрительно крикнул, а Спентад повернулся и мерным шагом легионера пошёл к болтавшейся на стене верёвке. Стрелы в спину он не опасался, зато предстоящий подъём казался кошмаром.

II

Конец ночи ознаменовался переполохом. Судя по громкому многоголосому ржанию, конскому топоту, гаму и суматохе в скератском лагере, один из табунов взбесился и помчался прямо на шатры. Велики ли были потери, из крепости понять не удалось, но на штурм в тот день кочевники не пошли.

Зато пошли на следующий, и день этот стал самым жестоким из всех. Шесть раз степняки, буквально засыпая стрелами стены, лезли вверх, шесть раз их сбрасывали. Последний приступ мог кончиться плохо. Очень. Спасла резервная полусотня, которую Приск повёл в бой лично. Скадария устояла благодаря коменданту и наступившей темноте — скераты не решились на штурм без поддержки лучников, а штурм этот мог оказаться успешным. Не оказался.

Титу снова повезло. Стрела ударила в кладку возле самой щеки, стрела сломалась о нагрудник, стрела отскочила от подбородника шлема, стрела впиалась в глаз стоящему рядом мечнику, а Спентад мог жаловаться разве что на ломоту в уставших костях и на нехватку людей на «своей» стене. Последнее было бессмысленно: Приск и так знал о потерях, знали это и уцелевшие офицеры. Все шестеро, считая натёршего ноги Фертара и двоих раненых, вернувшихся на стены в разгар свалки.

— Сенат бы сюда! — проворчал Мезий, после «переговоров» ставший помощником Тита, в свою очередь ставшего помощником коменданта. Первым — Сервий погиб, и его утащили за конюшни вместе с доброй сотней солдат. К ночи на ногах осталось меньше половины гарнизона, три из пяти каменётов были разрушены, а оба уцелевших без толку торчали на приречной стене. Смола кончалась, запас стрел можно было растянуть на пару дней, но одними стрелами жив не будешь...

— Сенат, говоришь? — Тит представил значительные морды и роскошные тоги на песчаниковых стенах и не плюнул лишь потому, что устал. — Меняю Сенат на солдат... Ещё один такой день — и всё. Драться будет некому.

— Если б мы могли обрушить Скадарию на головы скератам, как титаны обрушили Стурнон! — завёл свою песню Фертар. — Наша смерть стала бы победой, и даже враги склонились бы перед нами...

Поэт был и оставался придурком, но меч держать, как оказалось, умел, а под стрелами и вовсе расхаживал, как под дождём. Нарывался Фертар, а стрела досталась Сервию. Так

Стурнийские мозаики

бывает... Смерть брезгует дураками, а Жизнь, утешая, отдаёт младшей сестре лучшее. То есть лучших.

— Мы не последние в Стурне, — заткнул расходившегося болвана Тит. — И мы здесь не для красоты подышаем и даже не скератов режем... Мы держим брод, вот и всё. И удержим!

Последнее можно было и не говорить. Последнее не следовало говорить. Это Фертар с его набитой сказками башкой считает, что крепости и царства спасают красивые слова и красивые смерти. Чушь! Их спасают люди, и люди эти должны быть живы, на ногах и знать своё дело... И они должны хотеть спасти свою крепость, свой город, свою империю, так хотеть, чтобы всё остальное сделалось неважным.

— Удержим... не удержим... — Приск заговорил, словно черту подвёл. — Время рассудит... Но завтра к ночи скераты будут за стенами, а мы — на стенах.

* * *

Утро началось, как обычно: проснулись, размялись, позавтракали, ещё в полутьме разошлись доделать неотложное. У скератов в лагере гасли костры, ветер доносил обычный деловитый гул — степняки тоже занимались обыденным. Не поешь как следует — не повоюешь...

Время было: в крепости уже разобрались, как скераты готовятся к штурму. Оставшиеся минуты Тит потратил на письмо отцу, вернее, на завещание. Он писал для очистки совести, понимая, что запечатанный фамильным перстнем свиток вряд ли доберётся до берегов Стурна, и все же долг есть долг, а злость есть злость.

«Если ты прочтёшь это письмо, знай, что я умер за Стурн, но не за дураков, обескровивших восточный рубеж. Я хочу, чтоб за наши смерти спросили не с «лохмачей», а с Сената и императора. Я хочу, чтобы спросил ты. Свой долг младший трибун Спентад исполнил, исполни и ты, сенатор и отец младшего трибуна. Прощай. Сын».

Свиток лёг на стол, на видное место, рядом легло запечатавшее его кольцо. Тит выпил воды и покинул казарму,

почти не сомневаясь, что навсегда. Рога скератов уже собирали воинов, горны Скадарии молчали, все всё знали и так. И своё место, и свой долг.

Они столкнулись на лестнице — сын сенатора и сын разговорщика. Пальцы Аппия тоже были в чернилах, но Аппий мог писать и стихи. Не здороваясь и не разговаривая, двое поднялись на стену. Роса ещё не высохла, но небо стало совсем светлым, выкатилось солнце. Скоро полезут.

Тит дал себе слово не суетиться и не выдержал — прошёл вдоль обеих стен. Приск согнал наверх всех, кого мог. Здоровые вперемешку с ранеными, теми, что могли делать хоть что-то, обслуга, конюхи, поселяне, даже оба писца и старенький жрец... Как же безнадежно мало их было, а от лагеря скератов уже катилась тёмная визжащая волна.

Первыми под прикрытием больших плетёных щитов пёрли лучники. Сперва на Скадарию прольётся свистящий ливень, потом Артайт бросит на стены воинов, и сегодня у него может получиться... Может... На последней отгроханной Агриппой арке начертано «Должен — значит могу!», только «может» отнюдь не значит «будет». Степняки не пройдут и сегодня. Воздух вспороли первые стрелы. Началось.

Стук наконечника, впивающегося в поднятый щит, знакомый злобный свист у виска, короткий хрип за спиной, вой скератских рогов, гудение гонгов... Всё, двинулись к стенам, но обнажать меч рано, сейчас время стрелков и пращников. Скадарийских, да поможет им Смерть!

Гонг от шатра вождя теперь бил непрерывно, причём в два раза чаще, чем обычно. Артайт выполнял свою угрозу, Артайт торопился. Тит облизнул прокушенную вчера в горячке боя губу и шагнул к «своему» зубцу, готовясь рубить верёвки. «Обычное дело»... В самом деле обычное.

— Трибун, что это с ними?

— С ними? — Спентад уставился на лупоглазого пращника. — Ты о чём... Точно!

Подававшие голос с дальнего края лагеря рожки и рога воют непривычно и тревожно. Человеческая волна, уже готовая захлестнуть стены, замедляется, будто в нерешитель-

Стурнийские мозаики

ности, и... откатывается. Не просто отступает, несётся назад. Толстый парень из поселян судорожно сглатывает, опускает тяжеловатое для такого увальня копьё, недоумённо вертит головой, а раненый десятник с жутким, наполовину багровым лицом расплывается в беззубой ухмылке:

— Тгибун, я бы так гванув, повучив ховофый пинок под зад!

Не может быть! Этого не может быть, но скераты бегут, удирают, улепётывают, несутся сломя голову назад, и в душе расправляет крылья дура-надежда.

— Иногда Время бывает к нам благосклонно, а, приятель?

— А то! — усмехается во весь изувеченный рот десятник, а надежда приобретает отчётливый, прямо-таки железный облик тяжёлой имперской конницы, и конница эта атакует! Всадники на рысях выходят из-за западных холмов и разворачиваются «крыльями», охватывая скератский лагерь. Сигнальщики гордо вздымают свои «ульи»! Один... Второй... Пять! Почти два бинара!¹ Хватит, чтобы втоптать в речной песок всех степняков до единого!

* * *

— Ха, а вохмачам-то без своих вофадок пгидётся дгаться!

— Какое драться?! Сдурел с радости? Они же к броду сейчас рванут... К броду!

— Вевно... О, нафы пофли!

Конная масса, постепенно ускоряясь, движется вперёд. Как же это красиво, Время всемогущее, как же это красиво! Как прекрасен этот день, эта река, это поле, эта жизнь!

— Приказ коменданта! Стрелков — на приречную! Всех!!! Два десятка — к камнемётам!

— Приказ коменданта! Живо!!! Устроим вонючкам прощание!

— Приказ коменданта!

¹ Тяжёлая стурнийская конница делилась на бинары, в каждом из которых было две полутысячи всадников.

— Приказ...

— За мной!

Короткий взгляд на победно сверкающую в солнечных лучах лавину, и бегом по стене — Скадария ещё не всё сказала! Скераты бегут, и, естественно, бегут к броду. Не успевшим добраться ни до своих лошадей, ни до лагеря, не способным драться в поле в пешем строю, что им ещё оставалось? Разве что кучка конных в центре пыталась сражаться, но судьба храбрецов была предрешена, да и не занимала она Тита. Пусть умирают как хотят, а вот беглецы... Дорога к спасению шла вдоль обрывистого склона холма, на котором высилась крепость, и Приск стогнял на приречную стену всех, кто был в силах натянуть лук или поднять камень.

Гарнизон Скадарии брал с врагов последнюю плату. Кровью. Оба уцелевших камнемёта посылали один камень за другим в тех, кто добрался до реки и по шею в мутной быстрой воде пробивался к дальнему берегу. Метательные снаряды без жалости били по барахтающейся толпе, промахнуться было невозможно.

Плавали степняки скверно, сбитых с ног и уносимых течением можно было смело зачислять в покойники. Жаль, утопленники не доберутся до «грифов», но какие миноги будут этим летом в низовьях. Какие миноги...

— К коменданту! У ворот императорская конница...

— Камни несите, камни! — Командовавший камнемётом десятник чуть не выл.

— Небец ушастый, да хоть дрова тащите! Стрелки, гуще бить, гуще! — Приск — чудо чудное! — сорвал с головы шлем и не глядя отшвырнул. — Младший трибун Спентад, открыты ворота. Стрелки, гуще!..

* * *

Отпирая наглухо заваленные ворота, пришлось повозиться. По ту сторону ждали, весело покрикивая, затем створки со скрежетом распахнулись, давая дорогу незнакомому трибуну на рыжей кобыле. За спиной начальства пересмеива-

Стурнийские мозаики

лись кавалеристы, Тит на всякий случай поискал глазами Меданта, но кентавр, если и пристал к имперской коннице, вряд ли отказал себе в удовольствии как следует подражаться. Тит вскинул руку:

— Скадария с радостью приветствует желанных гостей!

— Хвала Времени и великому Стурну! — Желанный гость широко улыбнулся. — Как вы провожаете нежеланных, мы видели. Трибун Авл. Третий Отрамский бинар легата Валуция.

— Младший трибун Спентад. Мы не ждали вас так рано.

— Приказ прокуратора. — Похоже, трибун Авл не улыбаться не мог. — Ускоренным маршем идти к Скадарии. Пошли. По дороге встретили конягу. Он уговорил легата поспешить, мол, больше декады вы не продержитесь.

Медант всегда знал, кто и когда сойдёт с круга. Угадал и сейчас: до вечера они могли и не дотянуть, а дотянули бы, сколько б лежало у конюшен...

— Вы появились вовремя. Куда...

— Почему первыми — к нам? — Подоспевший Приск стоял у лестницы, и счастья на его лице не было. — Почему Скадария, а не Южная и не Нижняя? Или туда тоже пошли?

— Нет. Кроме нас, свободной конницы не осталось. Все отрамские бинары заняты внутри провинции. Двадцать тысяч скератов — это...

— Я знаю, что это такое. Какой приказ вы получили?

— Отбросить степняков от брода, оставить в Скадарии припасов и две сотни конных лучников, после чего двигаться к Южной. — Авл больше не улыбался. — Если дождутся, значит, Время к ним милостиво.

— Вряд ли успеете, — каркнул комендант и ушёл. Просто ушёл, устало загребая ногами, и Тит вспомнил, что Приск командовал Южной. Стены там были ниже, а гарнизон меньше, но конница первой выручила Скадарию, и благородный Спентад понимал почему.

— Приск служил в Южной. — А ведь Нумма упоминал, точно упоминал, сколько комендантских лет забрала кре-

пость, на перестройку которой так и не нашлось средств! — Долго служил... Я хотел спросить о Меданте. О кентавре.

— Ваш коняга передал, что хотел, и умчался. Сказал, что ночью погуляет у скератов.

— Он не вернулся?

— Нет.

Вот тебе и ответ, что за шум был ночью у лохмачей. Это «гулял» Медант, так гулял, что Артайту стало не до штурма. Целый день передышки... Не будь его, Приск вряд ли успел бы пожалеть о Южной.

— Может, он ещё найдётся. Коняги, они живучие.

— Да, конечно... Мезий, позаботься о наших спасителях. Мне нужно доложить коменданту.

Ничего ему не нужно, только постоять на странно пустой стене и отдышаться. Медант не вернётся, а гарнизон Южной умрёт, потому что в крепости не нашлось столичной цацы, за которую прокуратор «отвечает» перед друзьями-сенаторами. Гарнизон Южной умрёт, чтобы в империи было спокойно, а империя так и не узнает. То есть узнают родичи, у кого они есть, узнает начальство, а остальные будут жить, как жили. Разве что в харчевнях станут больше болтать про глупых степных варваров. Или, наоборот, про страшных, но всё равно побеждённых великим Октавианом и ещё более великим Агриппой, ведь правящий император всегда велик...

Тит наклонился, поднял обломанное перо. От стрелы. Перья, несущие смерть, перья, которыми сподобившиеся грамоте пишут... Гусю всё равно, зачем его оципали. Захотелось немедленно пройти в опустевшую комнатунку, разорвать ставшее глупым и напыщенным письмо и вместо него написать императору... Не доклад, не оду и не сатиру, а два слова. Два грубых слова из арсенала неотёсанного коменданта захолустной крепости.

— Небец ушастый, чего сюда забрался?

— Думаю...

— Вот и я думаю. Конец Южной, а мы б день продержались, а может, и все два. Дурак прокуратор.

— Не дурак. Политик.

Стурнийские мозаики

— Значит, сволочь. Ладно, пойдём, люди ждут. И вот что. Не надо при них о Южной, они не виноваты, что живы. И ты не виноват.

— Приказ коменданта. — Ни слова о Южной. Здесь и сейчас ни слова, но не завтра и не в Сенате.

Тит не думал, что сумеет улыбнуться, но сумел. Сумеет и больше. «Должен — значит можешь», а он должен. Приску, Сервию, Меданту, парням из Южной, трибуну Авлу, даже Нумме с его померанцами, даже болвану Аппию. И только императору и Сенату Тит Спентад-младший отныне не должен ничего. *Ни-че-го.*

РЫЖИЙ ВЕЧЕР

Все богатство моё — песня да гитара,
Ласковые струны да вечер синий.
А ещё есть заветная молитва:
Чтоб грехи забылись да сбылись надежды.
А надежд у меня всего четыре:
Летом я живу в надежде на осень,
А когда от зимы я устану,
То вновь на весну надеюсь...

ЮРИЙ БОРИСОВ

Кабы мне такие перья
Да такие крылья,
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я...

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТУРНИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

1256 год Счастливой Эры

I

Небо было иссиня-лиловым, а на западе рыжим-рыжим, как цветки календулы, и по нему, низко наклонив рогатые головы, мчались свинцовые быки с мощными загравками. Их кусали за ноги юркие гончие, над ними кружили совы, и все — и псы, и быки, и птицы — были облаками, летящими сквозь закат, а он догорал. Догорает всё — день, лето, молодость, человек, империя, звезда... Даже само Время когда-нибудь да сгорит.

— Время тоже когда-нибудь сдохнет, — сказал фавн и с хрустом раскусил рыжее — тоже рыжее — яблоко. — Да и шут с ним! Не жалко.

— Не жалко, — согласился Марк Карменал и подкинул в огонь пару шишек.

Костёр горел, и небо горело. Оно казалось таким огромным, не то что огонёк на краю чернеющего поля, только костерок будет жить и в ночи.

Стурнийские мозаики

— Уплываешь? — Козлоногий зевнул и погладил свирель. — Нет бы налить, а то я весь язык отболтал с твоими титанами. Ну, жили, ну, не живут больше, тебе-то что?

— Любопытно, — соврал Марк и потянулся за плащом. Его ждала девушка. Странная девушка, которой не место в придорожной харчевне, но Агáпе отыскалась именно там. Юная золотоволосая богиня, дочь радушного толстяка и жадной стервы. Богиня и фавн — не многовато ли для полного кур, сплетен и пыли местечка?

— Ты только при козулочке своей не сплехуй, — хмыкнул козлоног. — Девчонки, они такие, злятся, когда на луну тарачатся, а не на них. Или давай я за тебя схожу, небось не напутаю...

— Нужен ты ей!

— А ты? — Фавн поскрѐб за ухом. — Ходят тут... Зарятся на цветочки.

Человек отмахнулся и растворился в темноте. Козлоногий знал много и ещё больше выдумывал, но других готовых говорить о павших царствах Марк не нашёл, сколько ни искал. Люди не помнили, кентавры злились, и немудрено — то, о чём стыдно и страшно вспоминать, забывают. Из всех сил. Вырубая рощи и виноградники, придумывая новые имена, срывая до основания храмы и башни... Странно, что люди с конягами не попытались засыпать Стурн, разве что поняли, что убивать озѐра и горы дано лишь Времени. Убивать, размывать, уносить, что угодно...

Время не создаёт, не порождает, а рушит. Люди, что б ни плели жрецы, такие же дети Неба, как сгинувшие титаны и вымирающие полускоты. Бесплодное, полное зависти божество лишь натравило смертных на вечных, только это не повод возносить ему хвалы! Марк и не возносил, как не кланялся натыканным по всему Стурну императорским истуканам и не давал взятки императорским чиновникам; впрочем, давать было нечего — певец был бедней ящерицы. Обычно это его не заботило, но сейчас Марк не отказался бы от пары монет: купить Агáпе опаловый — именно опаловый — убор. Колдовской камень как нельзя лучше подходил

Рыжий вечер. Часть первая

светлоглазой волшебнице, вчера потеснившей в душе Марка прежний мир и нынешние дороги. И ведь видел лишь дважды, а говорил и того меньше!

* * *

Отец засел за кувшин с очередным «лучшим другом», мать и бабушка были заняты в харчевне, сёстры и брат спали. Оставались вечно торчащий у окон судья Харитон и сплетницы у источника — этих точно улицей не обойдёшь. Агапе воровато оглянулась, раздвинула похожие на бурьян отцветшие мальвы и, рискуя порвать платье, перелезла через забор. Ни домашние, ни соседи не заметили, а на дороге никого не было: Кробу́стовы овраги путники предпочитают засветло. Девушка снова огляделась, метнулась за стерегущие деревню тополя и замерла, прижавшись спиной к морщинистому стволу. Она ни разу не выходила ночью со двора и ни разу не встречалась с парнями. Старшие называли дочку харчевника послушной, подруги — трусливой, а ей просто не хотелось.

Сыновья соседей Агапе не нравились, может быть, потому что мать с бабушкой, выбирая жениха, пересчитывали чужое добро со сноровкой мытарей. «Невеста» молчала и думала о чём-то ей самой непонятном, а вчера это непонятное вошло в дом и улыбнулось.

Было слегка за полдень, и девушка срезала с обвивавших веранду лоз поздние гроздья... Нет, тогда она ничего не поняла, мало ли кто заворачивал в харчевню. Агапе просто стало любопытно, что за песни принёс загорелый бродяга с гитарой. Она услышала их вечером, услышала и рассмотрела певца. Тот, почувствовав чужой взгляд, обернулся. Их глаза встретились, и всё вышло, как в песне... Гости стучали кубками и стаканами, смеялись, грустили, приосанивались, но струнный звон и нежные слова принадлежали Агапе.

По улицам прогнали коров, звякнул вечерний колокол, и бабушка отправила внуков спать. Лечь казалось невыносимым, и девушка устроилась на окне, не зная, что делать, куда

Стурнийские мозаики

бежать, кого и о чём просить. Песни стихли, гости утихомирились, поднялись к себе, как всегда переругиваясь, родители, а она смотрела на вдруг приблизившиеся звёзды и повторяла слова чужой любви, вдруг ставшие её собственными. Потом Агапе все же легла и даже уснула. Сон был светлым и тревожным, как ранняя весна, а утром девушка столкнулась с певцом. Разговор вышел коротким... Единственный их разговор, прерванный бабушкой с её половиками. Марк просил, и она обещала вечером выйти. Она вышла. Она ждала...

— Вот ты где!

— Я... Я тут.

— Вижу. Разве можно не увидеть звезду?

— Не говори так...

— А как мне говорить? Я никогда ещё не держал звезду за руку. Странное чувство.

— Я не звезда!

— Врёшь... Ты звезда-врунишка, вот и врёшь...

Он не верил, а Агапе верила. Каждому слову, взгляду, улыбке. Она, всю жизнь слушавшая про похищения, изнасилования, обманы, не боялась и не сомневалась. Вспыхивали у горизонта синеватые искры, шелестели сухие травы, важно плыл по небу лунный щит.

— Раньше на нём проступали лики богов, потом люди подняли руку на бессмертных, и боги отвернулись. Нам остались лишь пятна.

— Это сказка?

— Нет, потому что я знаю только одну сказку. Это — ты.

Сказкой была не Агапе, сказкой была эта ночь и двое, бредущие рука об руку по ставшему небом полю. Он спрашивал, она отвечала, она спрашивала, он рассказывал. О великом озере и великом городе. О канувшем в воду храме. О прекрасных титанах, что когда-то ходили по земле. Они были светловолосы и светлоглазы, как Агапе, они не знали старости и болезней, а потом проснулась зависть, и красота иссякла...

— Это трудно понять, — сказал Марк. — Как бы я хотел их вернуть и показать тебе...

Рыжий вечер. Часть первая

— Трудно понять? Почему? Они... эти золотые были другими... Не такие, как, как... — Понять легко, трудно высказать, объяснить, как не хочется слушать про женихов, налоги, шерсть и муку, как тошно глотать уличную пыль и улыбаться судье Харитону...

— Они были такими, как ты, Агапе. А может, ты из них? Я состарюсь и умру, а ты будешь срезать виноград, улыбаться и ждать своего золотоволосого и вечно юного...

— Я буду ждать только тебя. Всю жизнь!..

* * *

— Где ты шлялась? Где, я тебя спрашиваю?! Дрянь! Дура неблагодарная...

— Постой, Хриса! Может, ещё ничего...

— А то не видно!..

— Хоть бы и видно, нечего орать! Услышат ещё... Живо в дом!

Мать послушалась, схватила Агапе за руку, так что девушка едва не закричала, и потащила к кухонной двери. Бабушка переваливалась следом, отца видно не было. Дом и улица спали, небо было полно звёзд, но они вдруг стали тусклыми, как стекляшки, к которым пристало мыло. Бабушка закрыла дверь, мать, больше ничего не стесняясь, ударила дочь по щеке. Это было не больно, не так больно, как впившиеся в запястье ногти, но Агапе заплакала. От обиды, от того, что полёт кончился в пропахшей вчерашним соусом кухне.

— Плачешь? — прошипела мать. — Раньше надо было! Кто?! Судья или кобель этот захожий?..

Отвечать было нельзя. Слова бы добились то, что ещё трепетало на краешке души, что нельзя было отдавать. Мать с бабушкой зло спорили, но они не спорили и не ссорились, только ругаясь с отцом. Ей повезло, что бабушка не спала. Наверное, повезло...

— Ты дала?! — Они с Марком стояли так же близко, только там были любовь и небо, а здесь — злоба и доски над головой.

— *Мне пора.*

Стурнийские мозаики

— *Уже?*

— *Ох, я и так...*

— *Звёзды утром меркнут, я знаю...*

— Ну?! Молчишь?! — Как кривится материнский рот, как уродливо кривится! — Ты только глянь на неё...

— Я гуляла, — вдруг сказала Агапе, — я ходила к оврагам...

Мать опять зашипела, а бабушка вдруг толкнула Агапе на скамью. Её осматривали, как какую-то овцу. Девушка не кричала и не отбивалась, только стиснула кулаки и поняла, что до сих пор сжимает сорванную Марком веточку бересклета. Все, что осталось от счастья.

— И чего орать было? — Бабушка отобрала зелёный пруттик, зевнула и вытерла руки прямо о платье. — По себе судишь, коза гулючая? Не видишь, что ли, гадать она бегала. Наслушалась, не без того, так все уши развесили, даже мордovorот твой, а уж девчонка-то! Да ещё и луна полная...

Ей всё-таки повезло и с бересклетом, и с луной. В полнолуние у оврага срезают ветки и кладут под подушку — увидеть жениха. Только она никогда не искала женихов, а гадать... Она всё знает и так!

— Выпей горячего и ступай спать. Может, и впрямь кого увидишь. Только не сукновала...

— А чем он плох?! — вскинулась мать. — Сейчас за одно одеяло больше дадут, чем за...

Сукновал, мукомол, племянник мытаря... Хорошо, судья Харитон женат, уж его-то родители не упустили бы.

Девушка сбежала под спор о ценах на перо. Знай Агапе, где сейчас Марк, она бы бросилась за ним в чём была, но певец ушёл, то есть это она ушла, потому что спешила домой. Время Всемогущее и дочери его вечные, ну почему, почему она вернулась?!

* * *

Если не уснул ночью, на рассвете не уснёшь и подавно. Позже — запросто, но когда тьма становится дымчатым хрусталём, просыпается богиня дорог и зовёт. Её зов слышен

Рыжий вечер. Часть первая

не всем, но властен над всеми слышащими. Марк слышал, и ещё он всё равно уходил. У певца две жены — дорога и китара, третья ему ни к чему.

— Так я и знал! — подал голос фавн, которого пришлось растолкать, ибо козлоног дрых на дорожном мешке. — Врал ты всё. Гулял он... Лёжа тоже гуляют, когда гулящие.

— Подвинься! — не стал вдаваться в подробности певец. — Или вставай, если жрать будешь.

— И кушать, и пить. — Козлоног уже сидел на корточках, раздирая пальцами кучерявые лохмы, из которых лихо торчали рожки. — Ты меня разбудил, ты меня и корми!

— Доставай. — Марк кивнул на мешок, который был слишком тяжёл, чтоб его волочь до следующей харчевни, где будут песни, а значит, и хлеб, и мясо, и вино. — Что найдёшь съедобного — твоё.

Фавн и не думал церемониться: поесть он любил почти так же, как поболтать.

— Не приспичило б тебе девулю валять, — объявил он, — я бы к вечеру ещё чего припомнил... Нет, ну какова! Один вид, что недотрога, хотя от козы — козлёнок. Хриса-то...

— Заткнись и жуй. — Марк красноречиво тронул дорожный посох. — Я, к твоему сведению, её ни разу не поцеловал!

— Тогда какого... — ошеломлённый фавн аж выронил головку сыра, — какого... ушастого уматываешь?

— Про одно дело вспомнил. — Не окажись Агапе столь пуглива, он бы уже заработал счастье на ночь и ярмо на всю жизнь. Что бы он стал делать в этой деревне? Что бы делала Агапе на дороге? Она не канатная плясунья, ей нужен дом, ему — нет.

— Ты не вернёшься, — изрёк фавн, вздохнул и вернулся к сыру. — У нас есть дар предвидения... Время его не отобрадо, просто мы почти передохли...

— Что ж тогда ерунду несёшь, провидец?

— А прошлое мы не видим, — выкрутился козлоногий. — Откуда мне знать, спал ты с девои или нет. Вот что не выйдет у вас ничего, знаю. Вино тоже моё?

— Твоё. А что ты ещё видишь?

Стурнийские мозаики

— А ничего не вижу! — сощурился фавн. — Ни дома тебе не вижу, ни жены, ни денег, пыль сплошную... Ну, и вино. Догонит оно тебя, и правильно. Что ищешь — не найдёшь, так хоть пьян будешь, а пьяному умирать и то весело, хотя тут с тобой что-то не то... Не людской твоя смерть выходит, то есть совсем она не выходит!

— Без смерти я как-нибудь обойдусь. Ладно, прощай, раз не свидимся.

— А может, и свидимся, — сменил гнев на милость фавн. — Вот брошу свои овражки и подамся... куда-нибудь. Полтораста лет здесь сижу, надоело... Может, своих найду. Ну не переели же их, в самом деле?!

— Тогда ищи меня в пыли! — Марк привычно подхватил полегчавший мешок и приладил поверх него китару. Ему уже хотелось шагать под светлеющим небом, глядя, как меркнут звёзды и чёрные силуэты распадаются на деревья и дома. Он уже шёл, напевая что-то пока непонятное, радуясь утру и вспоминая вечер. Рыжее небо, облачная охота, ожидание... Хорошо, что ничего не случилось: выпитая любовь становится головной болью, недопитая — песней. Песни так и приходят, проступают сквозь скрип дорожной пыли, обрастают словами, бередят душу, пока не стекнут с языка и пальцев, став чем-то сразу твоим и чужим.

*Тот закат не твой, ты же вечен,
Та звезда — не твоя предтеча,
Та мечта не тебе под силу,
Та Она не тебя любила.
Не любила и не полюбит...
Чёрный бык, чёрный пёс, лунный бубен...*

За спиной кричат петухи, восток наливается розовым, шелестят ещё не облетевшие ветви. Холодно, радостно, и как же много дарит дорога, если ей служить и молиться, если верить себя ей, и только ей. Уходить от несбывшегося в рассвет — это как срываться с тетивы и лететь к солнцу, просто к солнцу, никого не убивая...

*Утро пей, уходя от ночи,
Чтобы вечности стать короче...*

II

Снежинки отрывались от серых туч, чтобы найти свой конец на раскисшей земле. В полёте они казались серыми, но на заборах и крышах высились белые подушки. В такую пору по дорогам разъезжают разве что гонцы и самые жадные из купцов, ну или если у кого-то неотложные дела. Ждать певца мокрой ветреной зимой глупо, только Агапе всё равно ждала. Жила и ждала, иногда чему-то улыбаясь, иногда плача.

Девушка закусила губу, прогоняя навязчивые слёзы, и вернулась в дом. В углу судья Харитон все ещё договаривался с матерью и бабушкой о жертвенных курах. Больше в зале не было никого — харчевня поутру пустовала, это позже в неё набивались переделавшие дневные дела мужчины, но ими занимались старшие.

Мать быстро обернулась на скрип, увидела Агапе, ничего не сказала. Судья неторопливо поднялся, оправил отороченный мехом плащ и прошествовал к выходу, одарив Агапе милостивой улыбкой. Девушка заученно поклонилась. Бабушка пошла провожать важного гостя, мать принялась убирать со стола.

— Агапе, — вдруг спросила она, — помнишь старшего писца Карпофóра?

Агапе помнила. Мать вытерла руки и велела сесть.

— Судья будет доволен, если ты выйдешь за него замуж. Судья очень ценит усердие Карпофора и хочет поселить в своём доме, но живущий в доме писец не может быть холостым.

Почему Харитон ходит в харчевню сам, а не присылает домоправителя, Агапе понимала. На это её невеликого опыта хватало, да и подружки постарались — объяснили. Судья был немолод, богат и имел родичей в столице. Он привык получать, что хотел, и восемь лет назад взял в жены первую местную красавицу. Елена всё ещё была хороша, но Харитону жёны было мало, в деревне об этом судачили на каждом углу...

Стурнийские мозаики

— Опять молчит! — Мать с силой шваркнула на стол медный поднос. — Ох и удружило мне Времечко со старшенькой! Истукан ходячий... Может, ты ещё и оглохла? Судья Харитон хочет...

— Хочет-перехочет! — отцовский рёв раздался неожиданно, так неожиданно, что мать вздрогнула. — Скот безрогий!.. Моя дочь ему не подстилка... Расторгвался тут! Да кто он такой, чтобы пасть вонючую разевать?! За Перонт бы его, поглядел бы я... А ты, ты чем думаешь?! Дочкой торговать собралась! Дочкой!!!

— Заткнись! — Подоспевшая бабушка загородила мать. — А ты сам? Не купил мою Хрису, скажешь?! Свалился тут нам на голову... Орясина приграничная. Небось тогда деньгами в нос тыкать не стеснялся!

— Судья почище тебя будет! — Мать упёрла руки в бедра. — Харитон не воняет хотя бы... Винищем не воняет...

— А ну заткнись! Обе заткнитесь!!! — Отец ухватил скамью, мать с бабушкой шарахнулись к стене. Раздался грохот, скамья врезалась в стену. Другую. С полки рухнул и разлетелся вдребезги цветастый кувшин, мерзко заголосила в своей клетке учёная птица, и, словно в ответ, зашлась слезами мать.

Отец топал ногами и орал, что отдаст дочку тому, кому не медяк цена... И кто не дерьма кусок, хоть бы и в золотой миске... Он напишет друзьям... Они приедут. Это такие молодцы, не то что... Ага, молодцы. Толстые, вечно пьяные, крикливые. Зачем, ну зачем это всё?.. Зачем мать вышла за отца? Зачем у них родилась она, Агапе? Зачем она сама...

Хлопнула дверь — мать, закрыв лицо, выбежала на двор. Отец с бабушкой продолжали кричать, загородив проход. Выйти, не зацепив их, было невозможно, и Агапе сидела, где её посадили. Сложив руки на коленях и глядя в оставшуюся открытой дверь. Снег все шёл, было очень холодно.

* * *

— Хуже женщины на шее только колодка! — засмеялся Марк и прижал ладонью струны. В таверне заготовали,

Рыжий вечер. Часть первая

и Марк запел снова. О фавне и вдове. Песенка была новой — в последнюю осень богиня дорог послала ему много песен — смешных, странных, тревожных, нежных... Сегодня он пел глупые и весёлые, пел и пил. На улице дождь мешался с нечастым в столице снегом, но от этого лишь становилось веселее.

Зима начиналась замечательно, деньги и те появились, Марк подумал и пошёл в Стурн. Отец городов певца тянул давно, но на сей раз Марк думал не о состязаниях поэтов, где ему с его виршами делать нечего, и не об умных столичных красотках, для которых удачная ночка не повод для утренних слёз. Певец решил наконец увидеть то, что осталось от всё сильней занимавших его мысли бессмертных. Он даже был готов заплатить караулившей Чёрный мыс императорской саранче, но вмешались увязавшиеся следом тучи.

Стурн утонул в серой пелене, воды озера стали тяжёлыми, словно их покрыл слой сала, а день сжался в короткую полутьму. Красть и блудить в такую погоду — одно удовольствие; красть и блудить, но не искать осколки вечности. Марк ждал высокого неба, пел и копил деньги. Завсегдатаи харчевен были щедры, ещё щедрей, чем в провинции.

— Ха! — Подвыпивший дядька в зелёном хлопнул Марка по плечу. — Давай про лысую башку и лысую задницу!

— Я знаю только свои песни! — отмахнулся Марк. — Задницу я ещё не воспел, но могу про голову. С рогами.

Зелёный на рога согласился, Марк ударил по струнам и скорчил рожу, вокруг с готовностью заржали. Над обманутыми мужьями всегда ржут, но сколько из ржущих сами рогааты?

*И в самом деле я в хлеву,
И кто бы мог сказать?!
И кто кричит — не разберу,
Жена или коза?*

Обречённая на успех песенка летела к закономерному концу. Глупый пьяный муж раньше времени проснулся и вполз в спальню. Умная жена и молодой любовник ткнули ему в нос козий мех и заблеяли.

Стурнийские мозаики

*Опять орёт, опять бурчит!
Проклятье, как я зол!
И рог откуда-то торчит.
Так, значит, я козёл?!
Да, я — козёл, да, я козёл,
Слипаются глаза...
Подвинься, дура, муж пришёл.
Ну, живо, ты, коза!*

Марк подмигнул слушателям, и те радостно взревели, подхватывая припев. Сопрёт кто-нибудь! Точно сопрёт, и ладно... Козу не жалко, а то, что жалко, он где попало петь не станет.

— Тебе *это* нужно? Именно *это*?

Чисто выбритый, высокий, лобастый. Одет не то чтобы богато — с придурью. Не для простецкой харчевни.

— Что мне «не нужно»?

— Я пришёл в этот вертеп, чтобы тебя услышать. — Лобастый говорил очень тихо и очень чётко. — Мне рассказывали о тебе, я решил проверить, так ли хорош этот неуловимый Марк Карменал в самом деле. Все мои ожидания были превзойдены. Твоё место не здесь, певец. Тебе слишком много даровано, чтобы за гроши орать про коз.

— Вот как? — О том, что ему дадено, Марк и сам знал, но это было его дело. Его, а не лобастого шептуна! — А кто ты такой, чтобы меня поучать?

— Я не назвался? Извини. Моё имя Спурий Физу́лл.

Это наверняка что-то значило, тем более в столице, но узнавать подробности певец не спешил.

— Ты можешь быть кем хочешь, а я пою то, что хочу и кому хочу! — Марк осушил далеко не первую кружку и стукнул ею по столу, привлекая внимание. — Друзья, хотите песню о двенадцати конягах и одной кобыле или о двенадцати кобылах и одном коняге?

* * *

Под ногами дразняще поскрипывал снег, в небе не было ни облачка. Зима, шестнадцатая зима Агапе, металась, словно

Рыжий вечер. Часть первая

тоже была влюблена и покинута. Хмурые оттепели сменял ясный холод, дразнил негреющим солнцем и сбегал, укутавшись в полные мокрого снега тучи. Бабушка твердила о дурных приметах, отец пил, мать ко всем придиралась, но уходить из дома, каким бы постылым тот ни был, девушка боялась. Одинокая путница на дороге — лёгкая добыча. Выдать себя за мужчину она не сумеет, а женщину со стриженными волосами наверняка сочтут беглой рабыней. Оставалось навязаться кому-то из постояльцев, но подойти и попросить взять с собой? Что она скажет, чем расплатится? Ничего своего у неё нет, а обобрать родных Агапе не могла.

Конечно, её всегда возьмут в храм, но про младших жриц судачили не меньше, чем про ловцов женщин. Судья Харитон пожертвует Времени пару телок и получит, что ему нужно. А не Харитон, так другой или другие... Агапе тоскливо вздохнула и свернула к оврагам, к вцепившемуся в край обрыва бересклету, у которого ей перепало немного счастья. Она убегала туда всякий раз, как позволяли домашние дела и погода. Постоять у тоненького деревца, на котором до сих пор уцелело несколько похожих на цветы плодов-коробочек. Агапе даже не пыталась их сорвать — у неё уже был подарок Марка.

Веточка с одобрения бабушки стояла у изголовья кровати вместе с восковыми цветами, которые Агапе мечтала выкинуть. Толстые лоснящиеся розаны напоминали о том, что это спальня невесты. Неважно — чьей, но невесты, и к осени её продадут. Родители ссорились, покупатели тоже ссорились, спастись можно было лишь бегством. Если Марк не вернётся, придётся бежать, только как и куда?..

Что её с силой толкнуло в спину, девушка не поняла и ещё меньше поняла, как она не сорвалась вниз. Тело как-то удержало равновесие, закачались зеленоватые пруттики, с них посыпался снег. Все ещё ничего не соображая, Агапе попыталась повернуться, ей не дали — навалились на спину, обхватывая шею. Напавший пытался спихнуть жертву в овраг, но Агапе повезло — левая нога встретила вросший в землю валун. Девушку дёрнули в сторону, щиколотка подвернулась,

Стурнийские мозаики

Агапе упала на четвереньки, увлекая с собой неведомого врага. Перед самыми глазами дрогнули высохшие зонтики фенхеля, ладони обожгло снегом. Тот, на плечах, взвизгнул, завозился, раздался снежный скрип, хватка ослабла.

— Эгей, — потребовал звонкий мужской голос. — Эгей... Не дури! Пусти девулю... Пусти, знаешь ведь...

Пустили. Агапе кое-как поднялась, коснулась щеки рукой. Мокрой, холодной, и сразу стало холодно везде. Девушку бил озноб, но она заставила себя обернуться. Кто-то кудлатый, блестя зубами, удерживал женщину в богатом плаще. Елену!

— Эгей! — Лохматый рывком развернул добычу лицом к себе. — Опомнилась?

Жена судьи злобно рванулась. Не вышло — кудлатый знал, что делает.

— Нет ещё? Ну, подури, подури, а я подержу. Не жалко.

— Пусти!..

— А лягаться не станешь?

— Пусти, скот!!!

— Только снизу, моя радость. И разве это тебе не нравится?!

Кудлатый со смешком разжал руки, Елена отпрянула и застыла, хватая ртом воздух. Покачнулась, отшагнула от оврага и вдруг побежала. Наверное, быстро, но Агапе казалось, жена судьи топчется на месте, только жёлтый плащ мечется, как простыня, которую повесили сушить.

— Эй, — раздалось под ухом, — хочешь песенку?

— П-песенку? — переспросила Агапе. — К-к-какую?

— Такую. На, хлебни...

Агапе хлебнула и узнала отцовское вино — не по вкусу, она вина не пила, по острому полынному запаху. Девушка вздрогнула и торопливо глотнула, а облетевший бересклет вдруг запел о весне, которая вовсе не была страшной.

* * *

Это Физулл сочинил песенку про лысых, которую распевали на каждом углу! Распевали громко, весело, нагло,

Рыжий вечер. Часть первая

не оглядываясь на «ос» и «трутней»¹. Кто сказал, что это у императора не отличишь голову от задницы? Мало ли в Стурне безволосых? А что это вы так смотрите? Уж не думаете ли, что наш великий, наш обожаемый Постум выжил из ума?

Постум Марка не волновал, мало ли кто сидит на троне, и вообще какое певцу дело до императоров? Хочется Спуррию Физуллу задираться — его право, только песни о козах ничем не хуже.

— Как сказать. — Физулл был упрям, но за этот ужин платил он. И он же обещал рассказать о фертаровских фавнах. — Как сказать, певец. Ты смеёшься над тем, над чем смеются все, кроме обманутых мужей. Подобный смех не делает людей умней и смелее. Я смеюсь над властью, а осмеянная тирания перестает быть страшной. Стурн гниёт с головы, я объясняю это телу, пока оно смертельно не поражено. Нам нужна другая голова...

— Мне и эта сгодится! — Есть Марк больше не мог, только пить. — Оторвать голову можно, но как её прирастить хотя бы курице? И вообще новое начальство всегда хуже предыдущего, поэтому пусть живёт и пасётся нынешнее. Да здравствует император!

Физулл поморщился. Он чего-то хотел, иначе б не прицепился.

— Я сужу о тебе по песням. По лучшим твоим песням. Как можешь ты, певец великого, ясного прошлого, мириться с настоящим?! В Стурне невозможно дышать. Чиновники позабыли слово «честность», мытари готовы обобрать каждого, жрецы сами не верят своим словам, а глупцы, которых стригут, только блеют... Волки и овцы — это и есть Стурн. Империя, где вольготно лишь мерзавцам, а спокойно только дуракам и спящим, но заснувших среди ядовитых испарений нужно будить! Даже если это им не нравится, и делать это некому, кроме нас! Это наш долг, твой долг...

— У меня не бывает денег, — не согласился Марк. — А нет денег, нет и долгов.

¹ В Стурне городскую стражу в шутку называют «трутнями», а шпионов — «осами».

Стурнийские мозаики

— У тебя есть долг перед одарившим тебя Небом, а деньги... Они тебя отыщут. Не сразу, а когда будут нужны. Старость приходит ко всем людям, Марк Карменал, а ты — человек, хоть и поёшь о титанах. Я слышал, у тебя есть песня о защитниках Стурнона, спой её мне.

— Я оставил китару в своей харчевне. Спасибо за обед, он пришёлся кстати, но я его не выпрашивал, так что это не долг.

— *Это* не долг, ну а китара... Она есть не только у тебя. Лучшие инструменты делают в Велоне. Попробуй.

Марк попробовал. Чужестранка ответила звуком дивной глубины. Певец любил свою неизменную спутницу, но жене не сравниться с богиней!

— У неё хороший звук. — Марк пытался быть спокойным, но владелец богини теперь казался неуместней худшего из мужей. — Только вряд ли такая красotka будет рада моим дорогам.

— Она боится дождей меньше стурнийских уходёрок. Тебе надо обзавестись велонской китарой, но мы к этому ещё вернёмся. После песни.

— Эта песня не закончена. — Петь не тянуло, но отказать уже было нельзя. — Может, Стурнон отдаст мне её до конца. Даже из-под воды...

— Может. — Физулл и не подумал улыбнуться. — И, может, он пробудит твою совесть, совесть гражданина, а пока пой как есть. Я, знаешь ли, шесть раз судил состязания поэтов в надежде открыть в ком-то священный огонь. Бессмысленно. На императорскую сцену идут продавать себя, это тот же лупанар! Гимны императорам, оды императорам, статуи императорам... Ты хочешь видеть священный мыс титанов? Ты его увидишь вместе с мраморным уродством в честь побед императорского предка. Побед!.. Тогда и войны-то никакой не было, но разве подхалимам нужна правда? Они целуют задницу и гребут из этой задницы золото. Говорят, деньги не пахнут, и это правда. Смердят стихи, написанные за деньги! Тот, кто опустился до такого, потерян и для богов, и для искусства. Достаточно вспомнить Аппия Фергара. Как

Рыжий вечер. Часть первая

он начинал и как кончил... Глупец, предавший совесть, память, семью за возвращение в столицу, за возможность читать свои вирши одержимым войной мерзавцам... Мерзость и предупреждение всем нам!

Я стал искать тех, кто чурается властей предержавших, и узнал, что некий Марк Карменал расспрашивает про фавнов и что песни этого Марка звучат по харчевням. К сожалению, не те песни, что нужны Стурну. И это не те песни, что нужны Небу.

— Я пою, что поётся. — Сколько можно трепаться, но китара хороша! Она хочет петь, она требует настоящего. Главного... — И я не молюсь никому. И не собираюсь. Ты хотел про бессмертных? Это не та песня, что я хочу; пока не та...

*Не останется нас — ни в крови, ни в молитвах, ни в песне.
Не останется храмов, мозаик, мечей и могил.
Мы уходим дорогою вечно тревожных созвездий,
Торжествуйте! Делите добытый предательством мир!
В нашем мире кружили над скалами птицы,
В нашем мире звук сплёлся со словом и с летом лоза.
Мы уходим, и кто-то последней зарницей
Уходящей грозы...*

Вломившимся стражникам был нужен не он — это Марк сообразил до того, как балбес с ликторским Ульем на шею сунул под нос Физуллу свой перстень. Можно было отступить к стене и выждать, чем кончится. Или рвануть к чёрному ходу. Вместе с китарой, враз ставшей не нужной хозяину, но Марк отбросил жалко звякнувшее велонское чудо, ухватил остолбеневшего Физуллу и поволок за собой, потому что... Потому что лобастый дурак доболтался! Тревожить императорскую задницу в Стурне и в самом деле не следовало. Если ты, разумеется, не хочешь на галеры.

* * *

Елена обещала деньги. Много. Пятьдесят стурниев, если Харитон не узнает про то, что было у оврага. И ещё столько же, если Агапе выйдет не за Карпофора... Жена судьбы гово-

Стурнийские мозаики

рила тихо и быстро, от неё пахло благовониями, она была ещё красивей, чем всегда, она просила. Агапе стало её жаль, но девушка только и сумела, что покачать головой. Она сама не понимала, почему не может взять эти деньги, ведь это не было кражей: Елена предлагала сама, но, увидев бабушку, торопливо распрощалась и прошла в харчевню, а на обратном пути глянула так, что девушка едва не кинулась бежать.

— Чего ей понадобилось? — Мать тоже все видела. Наверное, из окна.

— Так...

— Что «так»? Я должна знать.

Слова липли к горлу, но мать как-то догадалась. Не про все, но хватало и половины.

— Деньги совала? Чтоб Карпофора отвадила? Сколько?

Агапе сказала, сама не поняв как. Она всегда признавалась, когда её спрашивали, почти всегда... Только про Марка молчала и про овраг...

— Полсотни! — хмыкнула вернувшаяся бабушка. — Со всем совесть потеряла! Да на ней самой в пять раз больше навешано! Что ты ей сказала?

— Ничего. Мне её денег не надо!

— Полсотни не надо, а полтысячи... Заплатит, куда денется! Пожалуй, и тысячу найдёт...

— Харитон не уймётся, — перебила мать, — ни за тысячу, ни за десять. И эта стервь тоже... Со двора больше ни ногой, с Елены станется прибить.

Агапе кивнула. Она бы рассказала про овраг, но там жил фавн, а у фавна было вино. То вино, что приносила мать... Бабушка поджала губы и быстро пошла в дом — что-то вспомнила, мать задержалась.

— Выйдешь за Фотия, — объявила она. — Лучше свой осел, чем чужой конь, а с Еленой тебе не сладить... И в кого ты такая снулая?! Я бы знала и что с судьёй делать, и как гадюке зубы повывёргивать.

— Не хочу. Не хочу ничего делать ни с кем...

Рыжий вечер. Часть первая

Агапе знала: сейчас случится что-то страшное, но говорила. Торопливо, путано, понимая, что ничего уже будет не исправить.

— Не хочу, как вы с отцом... Ненавидеть, кричать, и всё равно... в одной постели. И в овраг к козлоногому не пойду! Понимаешь, не хочу как ты! Пусть убивает... Но я не стану как ты, как вы все! Бабушка, отец, Елена эта... Вас даже мертвецы не заберут, вы уже — тени несытые, а я... я не могу так! К судьбе... к сукновалу... в овраг с отцовским вином... Не могу!

— Я тоже думала, что не смогу, — сказала мать и заплакала.

* * *

Стурна Марк не знал, но у него было чутьё, не раз выручавшее хозяина, когда приходилось удирать, а удирал певец частенько. Он мало кому желал зла, но мужья бывали слишком подозрительны, трактирщики — корыстны, а стражники и мытари — исполнены излишнего рвения. Драться Марк умел, но не любил — берёт пальцы, вот и полагался на ноги и богиню дорог. Она не подвела своего баловня и сейчас, хотя Физулл в длинных, сразу намокших одежках был ещё тем спутником... Марк тащил вольнодумца за руку, подпихивал под зад, помогая перелезть заборы, толкал в канавы, но уйти им удалось.

На всякий случай Марк загнал Физуллу в закуток между двух сараев и прислушался. Топота и криков, сопровождающих охотящихся стражников во всех городах, слышно не было. Певец перевёл дух и наскоро проверил кошелек и нож — они были на месте. Оставалось покончить с оказавшимся отнюдь не удачным знакомством, выручить старушку китару и отложить припадание к истокам до лучших времён. На галеры Марк не хотел, а в рудники и того меньше.

Рядом вздрогнул мокрый Физулл, и певец не выдержал — ругнулся. Куда девать лобастого умника, Марк не пред-

Стурнийские мозаики

ставлял, но бросать его, такого, под забором, было сразу и подло, и глупо: мокрые тряпки в разгар зимы сведут в могилу надёжней вольных мыслей, проще было не мешать лектору.

— У тебя есть подружка? — деловито осведомился певец.

Физулл возмущённо затряс породистой головой. Подружки у императорского врага не имелось, что в некоторой степени оправдывало высоту помыслов, но лучше бы помыслы были пониже. Не так больно падать.

— Нам надо покинуть этот город и эту страну, — объявил спасённый и чихнул.

— Сперва найдём харчевню поплоче. Ты посидишь, а я сбегаю за своим добром...

— Нет! — замахал пальцем Физулл. — Нет, нет и нет! Тебя уже поджидают и схватят, как только ты появишься. Я знал, знал, что придёт день, когда придётся бежать, спасая... нет, не жизнь, те ростки свободы и совести, которые ещё остались в Стурне. Есть человек... Купец из Нинней... Он нас спрячет и переправит в Велон. Идём к нему.

— Ну уж нет! — С таким спутником не только в Велон, до перекрёстка не доберёшься! — Ты слишком мокрый, чтобы таскаться по холоду, и слишком грязный, чтоб гулять по приличным кварталам. Я схожу к твоему купцу сам, но купцы любят деньги и не любят ссориться с властями.

— *Этот* купец — друг. — Физулл на глазах обретал былую уверенность. — Он не возьмёт денег, от нас не возьмёт... И не жалеет о старой китаре. К нашим услугам будут лучшие мастера Велона. Там умеют ценить и слово, и сердце...

— И там ты напишешь про задницу велонского императора или кто там у них?

— В Велоне — сенат. Настоящий сенат, не то что наша конюшня... Извини, я в самом деле начинаю замерзать. Ты уверен, что найдёшь поблизости безопасное место?

— Уверен, если будешь только пить вино и чихать. «Трутни» по такой погоде плохо летают. Если я что-то понимаю

Рыжий вечер. Часть первая

в харчевнях, мы совсем рядом. Винные бочки где попало не валяются.

Марк угадал, или это богиня дорог не желала для певцов дурного конца. Харчевня была жарко натоплена и полупуста. Разомлевшие возчики, а гостями были именно они, на двух промокших до нитки чудаков даже не обернулись. Певец устроил спутника в дальнем углу, бросил хозяину пару медяков, велел подогреть вина, и для отвода глаз спросил, где отыскать девчонку пожарче. Хозяин объяснил, певец расстался ещё с одной монеткой и, насвистывая, вышел в дождь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Агапе подрезала оплетающий веранду виноград и пела, потому что не петь не могла. Серенькое утро непонятно почему было прекрасным, а песенка ни о чём сама текла с губ. Вечером девушка долго не спала — думала, что делать с Карпофором и судьёй, а сегодня распелась, будто какой-нибудь воробей. Воробей оказался тут как тут — слетел с крыши и зачирикал, Агапе счастливо рассмеялась и заметила у ворот гостя. Марка! Опомнилась девушка уже внизу, настолько опомнилась, что сумела оглянуться. У сараев совещался с конюхом отец, сквозь распахнутую дверь харчевни слышался голос бабушки.

— Я пела, — сказала Агапе, — а ты пришёл... Я тебя услышала и запела.

— А ведь я молчал, — улыбнулось вернувшееся счастье. — Весна тебе к лицу больше осени. Ты всегда калечишь виноград?

— Нет. — Агапе опять рассмеялась. — Только... когда ты должен прийти.

— Привет, приятель! — прогремело от сараев. — Молодец, что завернул! Может, удержишься? Не пожалеешь — ко мне друзья собрались... Лучший винодел Стурна с семейством. Агапе, а ну живо кормить гостя! С недожора только на марше петь. Стой! Матери скажи, чтоб не жалась... А бабуку сю-

Рыжий вечер. Часть вторая

да гони, у гримзы руки золотые, как до живности доходит. У Ночки началось...

Это был их день! Тот самый день, когда удачи нижутся ягодка к яголке, словно бусы. Отцовские приказы, умница Ночка, то, что мать с бабушкой были в доме, а она — на веранде... Сестра-Жизнь протянула их с Марком любви руку и улыбнулась.

— Иди в дом, — велела Агапе, — быстро! И садись...

Певец кивнул и вошёл, Агапе просчитала до дюжины и вбежала в боковую дверь.

— Отец зовёт, — выпалила она. — Он с Ночкой! Там уже...

Конечно, они пошли вдвоём — бабушка и мать. Марк уже сидел в углу за столом, гитара и мешок лежали рядом. У окна доедали своё мясо отрамские купцы, они заплатили за стол и ночлег ещё вечером. Агапе схватила кувшин и миску. Если что, она льёт гостю молоко.

— Ненавижу молоко, — признался Марк, — но из твоих рук хороша даже цикута. Выйдешь вечером? Осенью звёзды — яблоки и падают, а сейчас они цветут.

— Выйду!.. Марк, ты... Я подам мясо, холодное, и... Мне надо уйти, только ты подожди. Я...

— Ничего не понимаю, но я в самом деле голоден, как собака. И хорошо, что ты уйдёшь. При тебе я могу только любоваться, так что умру. С голоду.

«При тебе»... Они больше не расстанутся, второй зимы, второй пустоты не будет, значит, она возьмёт деньги Елены. Прямо сейчас пойдёт и возьмёт! Подлю? Нет, ведь всем будет хорошо, кроме Харитона, ну и пошёл он к «грифам»! Елена сама предложила... Сама...

— Эгей, ты чего?

— Потом расскажу. Всё-всё...

* * *

Это ж надо было! Влюбиться, удрать, забыть, вернуться и вновь захмелеть. Никогда не надо возвращаться весной,

Стурнийские мозаики

или только весной и надо? Ведь ждала же, так ждала, что за десяток здешних стадиев почуяла, а сам он?

— Даже не знаю, — признался Марк. — Соврал, а потом вдруг подумалось, что оно и не враньё. Не совсем враньё.

— А что ты наврал? — сварливо уточнил фавн и почесал ногу, вырвав клочок зимнего пуха. — И что ты мог наврать?

— Не хотел в Велон тащиться! Помог тут одному... умнику. Он сдуру с императором заелся, вот его за жабры и ухватили. Хотя, знаешь, от мужей удирать труднее.

— Истинную страсть не подделаешь, — сообщил козлог, — мужья бесятся всерьёз, а стражники — за деньги. Меня тоже не поймали, лень стало... Тех, кто на Фертаровой вилле остался, забрали, не без того. Ну так нечего сидеть было... Чего в Велон-то не пошёл? Там в горах, говорят, горгоны ещё водятся, про титанов бы своих спросил.

— Нет там никаких горгон, а «грифы» — не цветочки, пчёлкам без надобности. Вот китары у них хороши...

— Ну так за китарой бы ходил. Не даром же всяких спасать!

— А потом куда? На галеры?

— Там бы остался. У моря, с должником, с китарой... Песенки бы пел... В Велоне хорошо, даже зимы нет.

— А петь кому прикажешь? Макрели? Физулл этот скучней мидии. Всё ему не так и будет не так, пока подружку не заведёт... Вот я и ляпнул, что не могу идти — невеста у меня. Даже имя назвал. Агапе. Сам не знаю, как в голову пришло, ведь не было с ней ничего! После — было, и как лихо, а тут только звёзды и пособирали...

— Ну и шёл бы к тем, с кем было, сюда-то зачем?

— Спроси что полегче. Болтаться в Стурне я не мог: с Физуллом мы не первый день пили, не прятались, а страже мышей ловить надо. Убрался от греха подальше, а как сюда занесло, сам не понял. Красивая она всё-таки...

— Красивая, — подтвердил фавн, — потому и жалко... Угроишь ты её.

— Не люблю предсказаний, особенно таких, — прикрикнул Марк. — Совсем не люблю, да и врешь ты... Все фавны врут.

Рыжий вечер. Часть вторая

— Много ты фавнов видел.

— Ты — третий, и все врут.

— Ну так валяй к конягам! Они врать не умеют.

— Зато дерутся. Когда про титанов слышат... И про вас.

— Ясное дело! Хотели во дворцы, а угодили из царской конюшни в мужичью, вот и бесятся. А не предавай!

— Вы лучше, что ли?

— Мы не лезли в чужие дразги, — с достоинством объявил фавн. — Мы были, как ты сейчас, потому я с тобой и вожусь. Так точно женишься?

— Точно. Девушки любят свадьбы, так что будет Агапе свадьба.

— А счастье будет? Ей ведь счастье нужно, а из тебя счастье, как из меня коняга! Шёл бы ты лучше отсюда.

— Шёл бы? Вот заладил — «шёл бы к тем», «шёл бы к этим»... И что это ты меня все время выпроваживаешь, а? Никак слёзки утирать собрался?

— Дурак ты! — Фавн опять принялся рьяно чесать ногу. — Тебе назло она со мной не станет, а не назло не станет ещё больше... Говорю же, жаль мне её. Очнётся на солоне, рядом — ты. Без песен, без штанов, и лето кончится. Выпьём?

— Выпьём. А лето как кончится, так и начнётся. Не бойся, я её не обижу.

* * *

Карпофор предлагал за невесту семь сотен стурниев, Марк положит перед отцом семьсот пятьдесят. Двести пятьдесят останется на свадьбу и дорогу, или просто на дорогу, если певцу откажут. Тогда они уйдут, передав выкуп через храм и уплатив пошлину, как делают все, кто женится без согласия родителей, назвав себя «детьми императора». Это дешевле свадьбы: за «пчёлку»¹ писцы берут не больше пяти-

¹ «Пчёлка ми» в обиходе называют скреплённый печатью с императорским Роем документ, что-либо официально удостоверяющий.

Стурнийские мозаики

десяти, но Агапе не хотела ссоры, она так и сказала Марку, провожая его на ярмарку за подарками. Дома пока ничего не знали, но девушке казалось, что её отпустят. Наверное, из-за Ночки, родившей лучшего в мире жеребёнка, и потом, когда Марк пел, мать с бабушкой плакали, а отец... Отец тёр глаза и клял чадающий очаг, а тот совсем не чадил...

Что-то шлёпнулось на кровать. Абрикос. Зелёный и жёсткий... Агапе вскочила и высунулась в окошко. Марк! С ума сошёл!

В доме спали, так спокойно спят лишь перед рассветом, Агапе тоже бы спала — мешало счастье. Тормошило, нашёптывало что-то странное, тянуло в поля и дальше к заветному бересклету. Марк здесь, они могут встретить рассвет, но если впереди сотни рассветов, один можно и отдать. Сейчас нужна осторожность... Девушка приоткрыла дверь в летнюю кухню. В углу сверкнули жёлтые глаза — кошка караулила крысу.

— Быстро же ты проснулась! — Марк чмокнул Агапе в щеку. — Опять подслушивала? За сколько стадиев?

— Нет, — невольно рассмеялась Агапе, — не подслушивала, просто не спала... А потом упал абрикос.

— Абрикос, виноград... Завтра обстриги, что хочешь, и соберись. Вечером я тебя уведу.

— Почему? — не поняла Агапе. — Мы же...

— Не выходит у нас как у людей. Делай со мной что хочешь, но твой кошель я потерял.

— Потерял? — переспросила девушка и почему-то села. — Как?

— Спёр кто-то, а может, я сам посеял. То ли деньги дурные, не впрок, то ли богиня дорог вранья не хочет... Ничего, хлеб и мясо я всегда добуду! И голой ты у меня тоже не останешься.

— Значит, потерял...

— Сказать, что счастье не в деньгах, или сама догадаешься?

— Не в деньгах... Конечно... Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой?

Рыжий вечер. Часть вторая

— А ты думала! Пойдём в Ионнеи, давно хотел там побывать... Быстро пойдём, нас не найдут, что-то у меня есть, на мулов и еду хватит, а петь поблизости я не буду.

— Марк, — сердце провалилось куда-то вниз, но она должна это сказать, — так нельзя... Я уйду, они останутся... Отец с матерью тогда совсем... А сёстры... Скажут, что они такие, как я, а бабушка... Она хочет, чтобы все было хорошо, она не понимает, что мне не надо как у них! И как у Елены — не надо... Пусть дома думают, что мы, как положено... Это ведь не ложь, когда от неё всем лучше... Мы должны пожениться и уехать в повозке хотя бы до поворота, чтобы... Чтобы на сёстрах не повисло, что... Что я сбежала с бродягой!

— Ну и что? Ты любишь бродягу, бродяга любит тебя. Мы ничего не крадём и никого не обманываем. Пусть сидят в своём курятнике, пусть им будет хорошо...

— Да не будет им хорошо! Понимаешь, не будет! Я уйду, а они... Это хуже заразы... Больной не виноват, беда и беда, а тут всё из-за меня... Сёстрам замуж не выйти, разве что отец друзей вызовет, таких, как он... Старых... Пьяниц...

— У тебя никакая сестра не сбежала, тебе весело жилось? Станет плохо, улетят... Как ты, как я... Думаешь, у меня родни нет? Как бы не так! Полдеревни родственничков, один другого почтенней... Ничего, ушёл!

Марк не понимал! Не понимал, и всё, а она не могла объяснить. И подлой быть не могла... Осенью, когда её трясли и раздевали, она бы все бросила, но потом была Елена у оврага, козлоногий с его песенкой и отцовским вином, правда о матери... Мать стала такой не по злобе, она была несчастна, потому и плакала у ограды, и отец... Как он кричал, что не даст продать дочку, а дочка возьмёт и сбежит... На радость Елене и сплетницам у источника, а ведь сестрёнки уже вовсю крутятся перед зеркалом. Бабушка ворчит, что дурёхи лицом в отца, и это так и есть...

— Я... Меня берут замуж и так, а вот сёстры...

— Ещё б тебя не брали! Занеси к вам императора, он бы шмякнулся к твоим ногам. Даром что лысый.

Стурнийские мозаики

— Ты не хочешь понять...

— Да понимаю я всё! Свадьба, наряд, цветы в косах... Я тебе цветы каждую ночь рвать стану. Знаешь, какие в Ионнеях розы?

— Не знаю. Марк, я не пойду с тобой. — Обычно слёзы текли из глаз сами, а сейчас как отрезало. Вот грудь чем-то сдавило, и виски тоже.

— Ну, было бы предложено. Умолять не стану, только воров не считай. Не брал я твоих денег.

Теперь ещё и в горле горит, или не в горле, а ниже? Агапе вздохнула, но словно бы не до конца.

— Уходи. — Она будто тонула изнутри, но глаза оставались сухими. — Увидят.

— Пусть. Вот ведь... Говорил же козлоногий, что не сладится, и не соврал. Предсказатель...

Агапе не дослушала.

II

Внизу орали песню. Громко и фальшиво — отец принимал друзей, они в самом деле приехали. Двое таких же харчевников и винодел, все с сыновьями. Агапе им показали, и теперь старики о чем-то сговорились, иначе бы не орали, и мать с бабушкой не остались бы за столом. Мать всё-таки зашла, сказала, что какой-то Публий поставляет красное ниннейское самому императору, и велела ещё раз сменить платье. Агапе кивнула, ей было всё равно, лишь бы уехать. Куда угодно. Она согласна жить без любви, без надежды, она так уже живёт, но чувствовать себя врунней и воровкой?! А оставшись дома и не вернув Елене её тысячу, кем она будет? То, что жена судьи вынуждена молчать, ничего не меняет, так даже хуже. Взять у того, кто не может не дать, и обмануть...

Харитон не отступался, лето кончалось, Елена несколько раз заходила в харчевню, но Агапе удавалось прятаться за бабушку и гостей, а со двора девушка не высовывалась.

Рыжий вечер. Часть вторая

Поля и овраг стали самым страшным местом на земле, и не потому, что её там пытались убить.

Вернулась мать, заставила пройтись, расправила пару складок и велела сменить серьги на те, которые принесла. На тонких золотых цепочках качались камни, вобравшие в себя сразу росу, звёзды и туман. Это было красиво, несмотря ни на что, это было так красиво...

— Вдевай, и идём.

Агапе послушалась; серьги не были тяжёлыми, но они так непривычно качались. Закрылась дверь. Скрипнула лестница. Девушка знала, что её просватали, не знала, за кого, но значения это не имело. Мать живёт с отцом, Елена — с Харитоном, выживет и она... с мужем. Наверное, у них родятся дети, дочери... Она не будет бить их по щекам, но и плакать при них тоже не станет. Она выбрала такую судьбу сама. Не из-за свадьбы и не из-за семьи... Из-за того, что Марк оказался не тем.

— Дочка! — Отец, пошатнувшись, поднялся из-за стола. — Дочка... Эт... Гай... С-сын моего друга П-публия... Лучшего друга. Д-д-венадцать лет рядом под Ид-дакловым роем... и под ст-трелами... Эт... тебе не судейская шкура... Каким с-сотником он был! К-к-каким сотником...

— Я знаю твоего отца тридцать лет. — Утром Агапе не запомнила всех лиц, но этот загорелый с проседью мог быть только Публием. — Хорошо, что в наш дом войдёшь ты, а не... девица из «благородных». Гай не слишком хотел ехать, но тогда он не видел тебя...

— Теперь видит! — засмеялся губастый харчевник. Он был пьян, хоть и не так, как отец. — Хорошо, мы не взяли с собой баб... От баб такую п-прелесть нужно прятать... Разорвут. Я б твою Агапе взять в дом не рискнул... нет, не рискнул бы...

— У тебя не будет свекрови, девочка, — перебил Публий, — но Басса, останься она жива, была бы тебе рада. Гай, подойди к невесте. Пусть дети посмотрят в глаза друг другу. При нас посмотрят!

Стурнийские мозаики

Гай — сын виноторговца Публия, а Публий богаче Харитона... Для матери и бабушки главное это. Гай — сын сотника, это главное для отца. Ну а ей нужно исчезнуть. Навсегда, и будь что будет!

— Да не смотри ты в пол! — потребовал отец, и Агапе заставила себя поднять глаза. Сын виноторговца был старше Марка, но не слишком, высокий, смуглый, курчавый, он мог нравиться девушкам, он наверняка им нравился...

— Да не смущайте вы её! — раздалось из-за стола. — Диконькая она, сразу видно... Тем и хороша.

Диконькая? Агапе быстро повернулась, позволяя застегнуть на шею ожерелье из туманно-звёздных камней. Когда крохотный замочек защёлкнулся, девушка вздрогнула. Сидящие за столом захохотали и подняли кубки.

* * *

Недостроенный храм напоминал гигантский рыбий садок, а может, Марка бесила императорская наглость. Стаскивать непонятно чьи кости на Чёрный мыс было кощунством, но нет худа без добра: когда в заклятое место пригнали каменотёсов и дровосеков, стража убралась восвояси. Теперь среди пощажённых топором гоферов мог бродить кто угодно, но желающих было немного — о последней битве титанов не то чтоб забыли, просто живым это стало неважно. Тысяча двести пятьдесят семь лет — слишком не только для людей, но и для большинства деревьев, не потому ли на месте срываемых храмов Идакл велел сажать именно гоферы? Если б только они говорили, но разменявшие вторую тысячу великаны не снисходили до ползавшей у корней мелочи, даже когда их рубили. Титаны умирали так же, вот на этом самом берегу.

Марк пытался представить, каким был мир *тогда*, но воображение отказывало, разве что певец не сомневался: города побеждённых превосходили города победителей, как истинный жемчуг превосходит поддельный, потому-то первые людские цари и запрещали подражать бессмертным.

Рыжий вечер. Часть вторая

У наследников Идакла хватало то ли гордости, то ли ума отказаться от захваченных домов и сокровищ, мечи титанов и те отправились на дно Стурна... Потом их искали — не нашли. Запреты истончались, выцветали вместе с памятью; тянулись к небу гоферы, вымирали кентавры и фавны, дрались и мирились люди... Марк пытался написать об этом, иногда ему даже казалось, что получается...

*Мы останемся страхом пред тем, что навеки исчезло,
Непонятной тоскою при виде забытых руин,
Вечной горечью твари бескрылой, замершей у бездны,
Ложью ваших преданий, правдивостью ваших морщин...*

Ещё утром строчки, пришедшие в голову на постоялом дворе, певцу нравились, здесь, среди гигантских тёмнохвойных колонн, за них стало стыдно. Марк, словно кому-то отвечая, с досадой махнул рукой и пошёл вдоль обрыва. Мыс кончался обрубком — борода дикого винограда укрывала будто срезанные мечом скалы, внизу плескалась озёрная вода, слишком мутная, чтобы разглядеть неблизкое дно. Марк добрался туда, куда хотел, и нашёл камни, воду, багрово-зелёные предосенние лозы — и всё. Странно было рассчитывать на иное, всё это было глупостью, детской мечтой о прекрасном исчезнувшем мире, мечтой, превращавшей в сон настоящее, а ведь в настоящем тоже случается счастье. Любовь, дом, мастерство, признание, деньги, наконец, — глупо жертвовать этим в обмен на пустоту. Золотоволосые полубоги, сказочные дворцы, смолкнувшие песни — полно, да были ли они?

Человек лёг на живот и, вцепившись в нагретый солнцем камень, свесился вниз. Тот же дикий виноград, тот же белый блестящий скол, та же словно бы дышащая вода. Вдох. Волна заливаает плоскую, зелёную от озёрной травы плиту... Выдох. Стурн возвращает добычу солнцу. Снова вдох, снова выдох... В странно знакомом ритме, в ритме шагов, в ритме сердца, в ритме дороги, той самой, на которую вступаешь в юности и с которой в любой миг можешь сойти, да не сходишь. Так дорога становится жизнью, так жизнь вытекает песнями...

Стурнийские мозаики

*С этих пальцев стечёт бывшее
Чтобы стать звездой и судьбою,
И в груди непонятной болью
Дрогнет сердце уже чужое...*

Это было не то, что он хотел сочинить, но пришло именно оно и оказалось правильным. Марк не выдумывал, не пытался представить разрушенное, не подбирал рифмы к заученным странным словам — это было не нужно. Озеро тяжело дышало, и человек дышал вместе с ним.

*Обожжёт тебя холод неба,
Станешь тем, кем ты сроду не был,
Пропоешь не свою дорогу
От богов к себе и вновь к богу,
От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдёшь не сам в ту же реку...*

* * *

Агапе уезжала. Было немного жаль — нет, не немного, до почти осязаемой боли, только жалость эта не держала, не возвращала, а гнала вперёд. Агапе помнила то хорошее, что было — а ведь было же! — но жила уже другим. Парусниками, скользящими по глади великого Стурна, ниннейскими виноградниками, ионнейскими жёлтыми розами... Она и раньше чуть ли не вживую видела, как уходит навстречу разгорающемуся дню; этот день пришёл, и стало больно и счастливо. Так бывает на самом пороге любви, но любовь от Агапе отшатнулась, а счастье почему-то нет.

Во дворе суетились — таскали вещи, спорили, в который раз обсуждали дорогу и лошадей. Место молодой женщины было там, а она стояла на золотисто-красной от виноградных листьев веранде и смотрела на улицу, которую видела в последний раз. Все кончалось, и кончалось бы хорошо, если б не Еленина тысяча... Голоса на дворе стали тише — отец с бабушкой и Гаем вернулись в дом, Публий остался следить за слугами, если просить, то сейчас...

Рыжий вечер. Часть вторая

Свёкор не удивился, он вообще ничему не удивлялся, а тысяча для него деньгами не была. Агапе торопливо накинула плащ — имеет же она право попрощаться с... подругой. Мать рассеянно кивнула, бабушка усмехнулась, словно что-то поняла, и молодая женщина в первый и последний раз вошла в дом судьи. Харитон не появился. Елена удивилась, но улыбнулась. Агапе торопливо положила на стол кошёлёк.

— Здесь всё.

— Сглазить счастье боишься? Не бойся, я тебе зла не желаю.

— Я не боюсь, просто... они не понадобились. Я собиралась... уехать, но... испугалась. Гая нашёл отец, это совсем другое. Не то, за что ты платила...

— Я платила за любовь, за свою любовь... И ещё заплачу. — Лицо женщины стало злым. — Харитон на кого-нибудь глаз всё равно положит, не на тебя, так на другую, а мне... Мне моложе уже не стать. Когда-нибудь я его убью. Или её... Хорошо, что не тебя, ты хоть и от Хрисы, а не сука. Езжай и будь счастлива хоть с сыном, хоть с отцом... Бери своё и не бойся!

— Что?! Что такое ты говоришь?!

— Правду и не со зла. Не губи себя, красивая. Люби, кого любитесь... Кто один на двоих, тот и выбирает, а троим счастливыми не бывать. Либо двое счастливы, либо никто.

— Как же ты меня ненавидишь!

— Уже нет... Потому и говорю.

— Госпожа, — худющая, других Елена не держала, рабыня неуклюже поклонилась, — за госпожой Агапе пришли...

Жена судьи холодно улыбнулась:

— Мы уже поговорили. Не правда ли, дорогая?

— Да, — подтвердила Агапе.

Она вернулась на уже чужой двор и перецеловала родных. Отец, шмыгая носом, посадил дочь в повозку, свёкор помог устроиться поудобнее, Гай тронул лошадей — он никому не доверял править ими. Застоявшиеся рысаки рвались вперёд, дорога была ровной и почти пустой, и у последних

Стурнийские мозаики

домов Гай отпустил вожжи. Замелькали золотистые поля, поднялась, застилая прошлое, пыль. *Троим счастливыми не бывать, либо двоим, либо никому...* Что это? Проклятие? Благословение? Искушение? Пророчество? Она же никого не любит, не может любить после того, что было... А было ли? Спутать чужие песни со своей жизнью — ещё не любить.

— Что притихла, дочка? Боишься?

— Нет!.. Сейчас будут Кробустовы овраги. Там гадают, я тоже гадала...

— Сбылось?

— Нет...

— Сбудется.

Поворот был крутым, и Гай чуть придержал гнедых, Агапе успела рассмотреть жёлтый обрыв и пену зарослей. Где-то там зеленел незаметный среди чужой листвы бересклет, под которым она видела смерть и слышала свирель. Женщине показалось, что свирель поёт и сейчас, но, конечно, только показалось.

III

Сумерки почти стали ночью, деревья превратились в силуэты, за которыми озеро пыталось слиться с небом и не могло из-за облаков. Розовые с сиреневой, узкие и длинные, они легли на холодную синь тремя мечами, и к ним от невидимого дальнего берега стремились такие же узкие сиренево-розовые облака-лучи, образуя кривую решётку. То, что творилось на небесах, вполне тянуло на знамение, но Марк знамениям не верил. Старым сказкам о бессмертных верил, гонялся за ними по всей империи, а пророчествам и приметам — нет, хотя с Агапе фавн и впрямь напрозорчил... Как и новую встречу.

Певец поморщился — воспоминания были не из приятных, даже не воспоминания — предопределённость. Загадываешь, ищешь, надеешься — а всё уже предreshено, пусть к лучшему, но не тобой. Марк поднялся и занялся костром —

Рыжий вечер. Часть вторая

свалившийся на голову фавн до такого не снисходил, сидел, витийствовал и чесался. Закат совсем обезумел, облачная решётка стала тьмой, тьмой стало и поле с гребнем леса, а между ними текло червонное золото.

— Эгей!

Что-то шлёпнулось рядом, что-то тяжёлое.

— Что это? — не понял Марк.

Фавн не ответил — усиленно, даже слишком усиленно жевал, но певец уже узнал кошелёк Агапе. Нашёлся, дрянь эдакая!

— Надо же, — Марк поднял предательский мешочек, — ремень перетёрся.

— Нет, — покачал головой козлоног, — не перетёрся. Это я его взял. Из-за неё. Другие ко мне за козлиным приходят. Они мне покушать, я им — сам понимаешь, и все довольны. А Агапе не такая, она меня понимала...

— Тебя?!

— Меня. Её ведь убить хотели, дура одна... Я не дал, а потом я ей играл... Небеса всемогущие, как же она слушала и *как* я играл! Я заставил её увидеть весну, виноградники, розы, даже твоих титанов... Я сам стал титаном!

— Опять врёшь, — попытался усмехнуться Марк.

— Нет. — Фавн отпихнул сыр и заплакал. — Я... Она больше не приходила... Ни разу... Эта дура сказала: уехала... Далеко. Насовсем... И не простилась! Так слушала и не простилась... Обидно!

Обидно ему!.. Скотина ревнивая, но судьбы нет, не считать же судьбой влюбившегося фавна! Сперва врал, потом крал, теперь припёрся невесть куда и ревёт... Весёлая из такой любви песенка вышла бы, веселей не бывает.

— Другие — те все время лезли... — Поганец хлюпнул носом: себя жалеть он умел. — Надоели... Не хочу быть скотом! Пошёл искать тебя, я ведь тебя слышал, а раз услышавши... Эхо, оно такое, не глохнет.

— Ну и что ты от меня хочешь?

— Найди её, а!

— Вот так вот и найди! После всего...